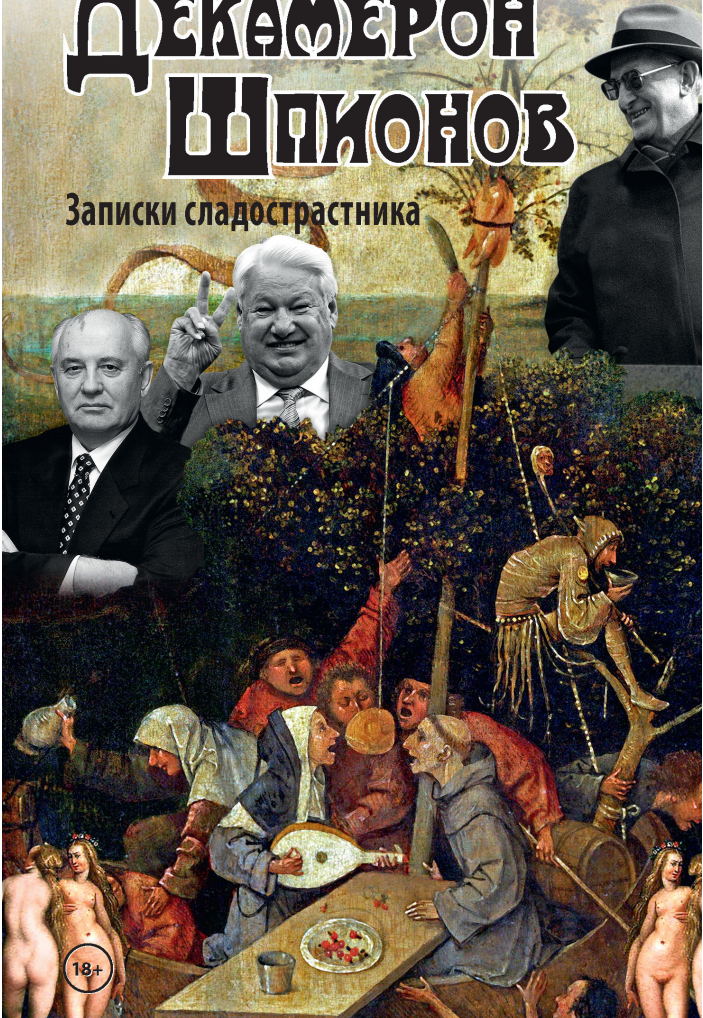

Михаил ЛЮБИМОВ

ДЕКАМЕРОН ШПИОНОВ

Записки сладострастника

Михаил Петрович Любимов

Декамерон шпионов.

Записки сладострастника

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56449109

Любимов М. Декамерон шпионов. Записки сладострастника.

Сатирический роман: Аргументы недели; Москва; 2020

ISBN 978-5-6043545-8-2

Аннотация

Эта книга – веселая сатира на перестройку, якобы задуманную как возвращение к истинному социализму через «дикий капитализм» под руководством соответствующих органов. Увлекательное повествование перемежается историями из жизни наших и западных спецслужб. Страна плывет по морю абсурда, как корабль дураков, изображенный на картине великого Босха.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	6
Preludio	11
День первый	82
Новелла о неистовой страсти, которая постоянно в конфликте с разумом и государственными задачами, о внебрачных детях, упрямых шотландках, великом Роберте Бернсе, о скуке жизни и преимуществах реки Волги перед петлей	108
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Михаил Любимов
Декамерон Шпионов.
Записки сладострастника
Сатирический роман

© Любимов М.П., 2020

© АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2020

* * *

Что жизнь? Мистерия людских страстей.

Любой из нас – печальный лицедей...

Все в нас актерство – до последних поз!

И только умираем мы всерьез.

***Уолтер Рэли, английский поэт, государственный
муж, пират***

Мы бренны в этом мире под луной.

Жизнь – только миг; небытие – навеки.

Крутится во Вселенной шар земной,

Живут и исчезают человеки.

Ю.В. Андропов, председатель КГБ

Сатиры мы на органы не пишем!

Ведь органами мы живем и дышим.

Вольтер, французский философ

Предисловие

Отрывок из «Декамерона шпионов», опубликованный в 1995 году под названием «Операция «Голгофа» в газете «Совершенно секретно», поверг нашу страну в смятение и произвел сенсацию во всем мире. Легковерные граждане, еще не отравленные фейками, дивились жуткому «плану Андропова» провести страну через «дикий капитализм» с тем, чтобы она добровольно вернулась на сияющую стезю коммунизма. Посыпались протесты и, наоборот, слова поддержки, всколыхнулась Дума, даже обсудила статью в одном из комитетов и запросила комментарии от органов безопасности, кое-кто угрожал судом и возмущался газетой. До сих пор фанатичные индивиды, мечтающие о возвращении на рельсы «реального социализма», используют публикацию как истинный план руководства КГБ.

Заметим, что статью публиковали со смонтированными фотографиями, где автор идет по Петрозаводску вместе с Юрием Андроповым (заменяли голову секретаря обкома на голову автора, о великое прегрешение!), и для пущего неправдоподобия снабдили старинными гравюрами средневековых пыток якобы в «подвалах КГБ». Однако это не помогло, народ верит печатному слову! Слышались тем не менее и трезвые голоса, присвоившие публикации загадочное слово «апокриф», которого не чуждалась русская литерату-

ра. Вот, например, суждения из статьи видного литератора и историка Вадима Кожинова «Кто и зачем придумал «перестройку»?»:

«... Читатели называют этот казус «подлостью», а между тем в теории сатиры такой довольно типичный прием (присоединение к телу не принадлежащей ему головы) с давних времен носит название «гротеск». Впрочем, было бы заведомо несправедливо предъявлять какие-либо упреки петро-заводцам, ибо сочинение М. Любимова вызвало, увы, возмущение или хотя бы глубокое недоумение у очень и очень большого количества людей. И в этом следует разобраться. В «Операции «Голгофа» повествуется о действиях известнейших политических и идеологических фигур 1980–1990 годов – от Андропова до Ельцина, от Аганбегяна до Митковой... И тем не менее сочинение М. Любимова чуть ли не большинство читателей воспринимало, как говорится, на полном серьезе. Чем это обусловлено? Думаю, прежде всего тем, что российские читатели не привыкли к такой сатире, где «руководящие» деятели предстают под своими собственными именами...

Но суть дела не в этом. На мой взгляд, сей сатирический «мемуар-роман» – явление яркое и примечательное. Преподнесенное в романе как реализация замысла Андропова беспощадное внедрение в Россию капитализма ради того, чтобы затем народ уже окончательно избрал социализм, – это, разумеется, чисто сатирическое, во многом гротескное

изображение того, что происходило в стране за последнее десятилетие. Но с полным основанием можно утверждать, что именно такова – в основе своей – воля самой истории. Ведь именно так шло дело и после великих революций в Англии и Франции: самый решительный ход назад, восстановление монархии и феодальных привилегий, безоговорочные проклятия по адресу революции и всех ее последствий, а затем все же – окончательное утверждение нового экономического и политического строя, основы которого заложила революция. И те, кто сегодня особенно активно и «радикально» пытается «строить» в стране капитализм, в будущем так или иначе будут вынуждены признать, что на деле-то они «поработали» на окончательное торжество социализма, то есть являлись деятелями, вполне подобными героям сочинения Михаила Любимова. Да, герои «освобождения цен», «приватизации» и прочего в конечном счете поймут, что – несмотря на весь драматизм или прямую трагичность нашего времени – они-то были – подобно английским и французским «реставраторам» – прежде всего комическими фигурами, полностью готовыми стать прототипами героев самой язвительной сатиры. А «Операция «Голгофа» изобразила их таковыми уже сегодня».

Перед вами, дорогие читатели, несколько модернизированное переиздание романа, который оказался в известной степени пророческим. Неожиданные лавры Нострадамуса меня умиляют, хотя я совершенно не ожидал, что мы войдем

в 2020 год с руководителем из КГБ и с его коллегами, освоившими важные государственные должности. Более того, издание «Декамерона» приурочено к мировому разгулу коронавируса – а разве ренессансная Флоренция не была объята страшной чумой? Разве не бежали из нее прекрасные юноши и девушки, как мои несчастные шпики?

Этот роман, хотя и сатирический, но без злости, автор склонен к улыбкам и животному хохоту и потому очень боится читателей, вгрызающихся в подобные произведения с паучьей серьезностью. Тут много легкого философствования, причем даже о самых высоких сферах. Но, клянусь, я не иностранный агент (опытный чекист заметил бы: «Это еще нужно доказать!»). И я очень боюсь, что меня посодюют под одобрительный свист системных и бессистемных партий. В подражание Джованни Боккаччо в сей философский роман вплетены шпионские новеллы, дабы развеять увязшего в политике читателя. В свое время интеллектуальный мэтр моего поколения, критик и философ Лев Аннинский упрекал меня в том, что я не раскрываю «технологию» работы секретных служб. Исправляюсь, в романе эта «технология» представлена в изобилии картинками из операций разведки и контрразведки КГБ, картинками драматическими и юмористическими. Пусть не пугают читателя мудрые беседы с самим ренессансным Джованни Боккаччо, ведь мысли из прошлого освещают будущее. В романе политическая сатира смешана с пародией на эротический роман и даже с пародией (про-

стите меня, грешного!) на столь любимый нами секс – разве со стороны не выглядит весь этот серьезный процесс уморительно комическим?

Так хватай и впивайся в книгу, дорогой читатель, возмущайся, трепещи, плачь и хохочи, как паяц над разбитой любовью! А по прочтении на всякий случай сожги! Вместе с коронавирусом.

Автор

Preludio

О, Джованни Боккаччо, незаконный сын флорентийского купца Боккаччо де Келино и одной шибко легкомысленной француженки! Ищущий юноша со взором целеустремленным, объевшийся утонченными знаниями неаполитанского двора при короле Роберте Анжуйском. Зачем ты возвратился оттуда к папаше во Флоренцию, скучную республику холодноголовых купцов? Бросить Марию Фьяметту, дочку короля Роберта, которую любил пятнадцать лет и воспел в сонетах! Не возмущайся, что заимствую название «Дека-

мерон», не обнажай кинжал, если нам доведется встретиться в райских кущах, где на извилистых аллеях денно и ночью поют милovidные ангелы, подпаивая путников терпким вином.

Увы, родители не дали мне истинно классического образования, и после десятилетки, послужив Родине, я попал в летную школу в Сызрани. Слезы встают в глазах и дрожит от волнения голос:

*Нас ждут гарнизоны Отчизны
с волнующей явной новью,
Но милая с воздуха Сызрань
останется вечной любовью!*

Счастлирое время казармы, портянок и местных красавиц, потом народивших эскадрильи летчиков, ничуть не хуже потомков неаполитанского двора. Затем, Джованни, встал я на терновую стезю секретной службы, именуемой КГБ, и, осознавая свою избранность, попал в разведывательную школу, где учили нас разным премудрым штучкам и черт знает чему. Отсюда провалы в образовании, стыдно признаться, но я попросту считал, что «Декамерон» означает нечто вроде Содома или Гоморры, этих суперсексуальных местечек, что у Мертвого моря, где я совсем недавно разминал и усаливал свои радикулиты и остеохондрозы. Ужасное дело: компания жизнелюбивых юношей и девиц вырвалась из объятаой чумой полуопустевшей Флоренции и про-

вела ДЕСЯТЬ бурных дней и ночей на пригородной вилле, рассказывая друг другу скабрёзные истории и покатываясь со смеху. ДЕКАМЕРОН и означает ДЕСЯТИДНЕВКА – все простенько, как в аптеке.

И чумное время, и пиры нам не в новинку, что может быть прекраснее, если рядом грязь и вонь, кровь и смерть? Солидные дяди и тети, копающиеся в помоечном дерьме, на фоне холеного слугителя собачьего борделя, надевающего презерватив бульдогу, доставленному на «мерседесе» на столь желанную случку. Все это не мешает славно поболтать за бутылкой кьянти или не менее прекрасного, но, увы, ставшего раритетом «Солнцедара», на котором я произрастал в Сызрани. Правда, в наших морозных краях, которые любимые и досточтимые предки явно заселили спьяну (кому бы пришло на трезвую голову занимать такие неблагоприятные для жизни огромные пространства в самых северных широтах мира?!), изысканные вина не в чести, пьем крепчайшее, и не без успеха для самоуничтожения. Да ты и не слышал о моей стране, о Джованни, хотя, между прочим, Господин Великий Новгород был демократической республикой еще до твоей Флоренции! Холодно у нас, холодно! Многие мечтают, что с потеплением Земли от изрыганий разной дряни в атмосферу наша страна превратится в цветущий субтропический рай. Но пока...

Как писал патриот и разведчик князь Петр Вяземский:

*Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций – тараканьих штабов,
Вот он, вот он, русский бог.*

В наши дни, когда мы вроде бы породнились с Западом, появился шанс заменить грубые зелья изысканными напитками, вот и сейчас я пишу, прихлебывая шотландский виски, истинный молт «Singleton of Auchroisk», сия деревушка залегла в долине реки Спрей, около местечка Малбен. Боюсь, что ты ее не визитировал, но если случится посетить после Воскрешения Мертвых те края, не упusti случая, попробуй ключевой воды из ручья «Колодец Дори», на ней и изготавливают этот дьявольски вкусный напиток из Очройска, что на древнегэльском (язык шотландских кельтов, на котором, сильно поддав, говорят и в Сызрани) означает «Брод через поток» – так пойдем же по этому броду наперекор бурному потоку Судьбы, наперекор всему, смакуя вместе с молтом модных у нас куртуазных маньеристов:

*О Ельцине, Зюганове, Попове
Неудержимо говорили вы.
Я слушал вас, прилежно сдвинув брови,
С внимательным наклоном головы...*

Я медленно пытаюсь ввести тебя в курс дел, Джованни, дабы подвести тебя к своим десяти дням, исполненным стра-

сти и муки. Хотя порой мне кажется, что смерти нет, и все мы просто странно и необъяснимо перемещаемся во времени и пространстве, в своих Флоренциях, Италиях и Московиях, если они существуют. Не закадычными ли друзьями мы пировали вместе, Джованни? В компании с Данте Алигьери и Александром Пушкиным, который читал: *«Мы пили – и Венера с нами сидела, преля за столом. Когда ж вновь сядем вчетвером с бя..., вином и чубуками?»*

Нет, тут еще не чума, но воздух колышется от дурных предчувствий: несчастны не только обнищавшие, жадно поглядывающие на гусиные паштеты в недоступных магазинах, но и богатеи, которые отстреливают друг друга, как бешеных собак, бросаются в бега и совсем не испытывают радости жизни – *joie de vivre*. А что важнее *joie de vivre*? Несчастны все люди, даже олигархи – разве можно быть счастливым одному, когда до безумия тошно всем остальным?

И не только в этом дело, Джованни, а в том, что мир вещей – это не пир души. Ведь душа тянется к прекрасному, к высокому штилю поэзии, к игре кисти Рафаэля и Босха, к путешествиям вокруг света и любованию несравнимой природой. Но нет времени на наслаждение (лишь иногда – лепестки любви), все закручено и выкручено бешеным темпом работы, нежные бифштексы застревают в глотке, небывало прекрасные плечи и блестящие глазки лишь пролетают мимо губ.

Увы.

Спешим и спешим... куда? Возможно, я заблуждаюсь, Джованни, сверху тебе виднее, впрочем, и для меня Сызрань с воздуха казалась милой. Но я все хожу вокруг да около, как блудливый кот вокруг раскаленной сковородки с завлекательной мышью, хотя, будучи проницательным, ты, конечно, усек, что имеешь дело с авантюристом, а точнее, с прожженным и хитроумнейшим шпионом. Посему, пока мы еще не встретились в райских куцах или на пути к ним, видимо, стоит чуть-чуть расширить монолог о себе, не слишком усердно вешая лапшу на уши, но и не умаляя собственных заслуг перед человечеством.

Немного истории, ибо на ее фоне жизнь всех нас, блуждающих огоньков, становится более ощутимой. Ах, извини, я вполне допускаю, что то, что представляется мне уникальным и значительным, покажется тебе мелочью, посему пробеги быстренько вперед к 1917 году, когда у нас произошла революция, нечто вроде того, что свершилось во Флоренции при тебе. Тогда народ одолел грандов и даже расселил многие их семейства среди пополанского мелкого люда, впрочем, тебе хорошо знакома это бессмысленная и непрерывная борьба между нобилями, гонфалоньерами, гвельфами и гибеллинами, черт бы их всех подрал!

В октябре 1917-го у нас воцарился Владимир Неистовый, между прочим, человек достаточно просвещенный, затем страна сотряслась и облилась кровью от беспощадных войн и от топора Иосифа Грозного, которого сменил Никита Беспо-

койный. Правил он упрямо и непредсказуемо, но был свергнут Леонидом Стабильным, который вдул в страну так много стабильности, что она распухла от самодовольства и показухи, как пузырь, дабы потом разорваться на части – точно так же взлетела и рухнула Римская империя. В наше время принято преуменьшать деяния Леонида, однако, народ его воспел: *«Если женщина красива и в постели горяча, это личная заслуга Леонида Ильича»*. При Леониде на должность шефа КГБ был назначен Юрий Премудрейший, который бросил на это святое дело и весь свой ум, и неистощимую энергию, порешив спасти державу и восстановить былое величие.

Юрий Премудрейший – мой Учитель, мой царь и бог. Я знал этого кристально чистого человека в очках, дорогой Джованни, я служил под его началом, я верил ему, как самому себе, это был пылкий романтик с холодным обручем трезвомыслия, сжимавшим его душу. По одержимости его можно сравнить с монахом Джироламо Савонаролой, а по хитроумию – с философом Никколо Макиавелли. Вряд ли Юрий Владимирович войдет в историю – она беззвучно смолотила тысячи подобных доблестных мужей, но позволь мне, досточтимый Джованни, открыть тебе одну тайную страницу, ставшую роковой для моей слишком просторной родины.

Начнем ab ovo, от яиц Леды.

В тот мрачноватый февральский вечер 1983 года (представляешь, сколько временных верст нас разделяет? Как написала гениальная Марина Цветаева: *«Целую вас через сот-*

ни разъединяющих верст!»), через год после смерти Леонида и восхождения на его пост Юрия, я, будучи уже на преждевременной пенсии, сидел в своей двухкомнатной квартире, что в номенклатурном доме близ Миусской площади, и безучастно смотрел телевизор. Не завидуй мне, дорогой мессер, поверь, что твои кукольные театры, серенады на улицах, публичные бани, масленичные игры, чувственные танцы, когда дам опрокидывали прямо на землю, хороводы и маскарады гораздо больше дают душе, чем этот безмозглый ящик, в котором изгаляются политики и актеры. Итак, телефонный звонок. Я снял трубку.

– Добрый вечер, Мисаил, не узнаете? – раздалось в трубке. Боже, как знаком этот голос, эти суховато-вежливые интонации, неужели... неужели?

– Извините, не узнаю, – ответил я сухо (не терплю, когда не представляются), хотя узнал ведь, узнал, но не поверил, не мог такого представить!..

– Неужели вы не помните свои прогнозы? – собеседник чуть хохотнул, дав мне счастливый шанс пережить шок.

– Юрий Владимирович? Вы?!

Конечно, я узнал его, Джованни, а кто еще в этом мире мягко-иронически называл меня Мисаилом? Еще бы мне не помнить эти злосчастные прогнозы, с них все и началось...

Тут я вынужден совершить небольшую ретроспекцию в 1980 год, когда под началом Юрия Владимировича, тогда Председателя КГБ, я служил в отделе, занимавшемся про-

гнозами будущего иностранных государств и нашей великой державы. Оракульствовали мы всевозможными методами, но в чести был простейший обмен суждениями, как в древнегреческих Дельфах, где авгуры чувствовали будущее умом и кожей, хотя к нашим услугам были электронно-вычислительные машины новейшей генерации.

Не буду забивать тебе голову, Джованни, изысками экстраполяции и прочими математическими играми, скажу лишь одно: наши сводки и прогнозы были не лучше и не хуже донесений флорентийских шпионов Карлу, герцогу Калабрийскому. Добавлю, что, получив прогноз с помощью всевозможных модулей и программ ЭВМ, я доставал из потаенного места потертый кристалл и, подобно средневековому магу, перепроверял все на нем, напряженно всматриваясь в его таинственные глубины, откуда постепенно вырастали картины будущего.

Однажды по личному поручению Председателя КГБ (в то время мы почтительно обозначали этот титул и аббревиатуру с большой буквы) я составил разновариантные прогнозы Советского Союза – так тогда называлась моя страна, Джованни, хотя сверху все это кажется историческим пустяком: все в мире соединяется и распадается на куски, а потом соединяется в другом формате, при этом вокруг все рыдают и визжат сначала от горя, потом от счастья и снова от горя. После усушки и утряски вариантов будущего моей страны осталось всего двадцать, и во всех случаях оно, прекрасное

будущее, выглядело печально катастрофически.

Прямым начальником моим был хитрован по кличке Бухгалтер, человек усердный и весьма напоминавший по повадкам маэстро Симоне из твоей, Джованни, третьей новеллы, который уверил Каландрино, что он забеременел, и получил с него в оплату за лекарство каплунов и флорины. Тем не менее для начальника шпионской службы человек вполне приличный и даже посещавший драматические театры, что само по себе уже признак неординарности. Бухгалтеру я и передал прогнозы для доклада Председателю, держал он их целых две недели, а потом со вздохом вернул мне.

– Докладывайте лично! – молвил он строго, и я понял, что он хорошо усвоил древнюю истину: на Руси гонцам с дурной вестью всегда рубят головы.

Уже на следующий день я выехал на Лубянку – нечто вроде alberghettino, где содержали в заключении Козимо Медичи, надстроенный и перестроенный коммерческий комплекс, там живо и благотворно трудилась тайная полиция. Водитель промчал меня по кольцевой дороге с колдобинами из нашей штаб-квартиры в Ясенево (это живописное местечко отличается от шотландского Очройска только тем, что виски там завозной). Летели через всю Москву, обгоняя машины и проезжая на красный свет, ибо наша «татра» была оснащена специальной сигнализацией, приводящей в трепет милицию.

Вскоре я предстал перед Председателем. Он начал читать

бумаги, его бесстрастное лицо становилось все мрачнее и мрачнее. Ах, как бы я был счастлив, если бы умные машины предсказали и молочные реки, и кисельные берега, крестьян на пашне, попутно пописывавших стишки, и трудолюбивых рабочих и служащих, запускавших в космос машину за машиной, и наших коллег, воспевавших от души весь этот апофеоз! Но, увы, врать я не умел (хотя кто-то писал, что «правда, сказанная злобно, лжи отвратнейшей подобна!»).

– Ангидрит твою мать! – вдруг промолвил Юрий Владимирович, встал, вполне дружелюбно попрощался со мною за руку и отпустил с миром.

Тут я вынужден объяснить и с тобой, Джованни, и с любимым читателем по поводу председательского «ангидрит твою мать» и прочих непристойных, вряд ли переводимых на итальянский словечек, которые иногда пестрят в моем тексте. Пойми, Джованни, что в моей стране мат – это единственный язык, на котором можно передать истинные чувства нации. Жизнь наша проникнута матом насквозь, как свиная нога – жиром. Причина этого и в уже отмеченном мерзком климате, заставляющем утопать в грязи, трудясь на пашне, или застревать в лужах по дороге на работу, или страдать из-за разорванной морозом канализационной трубы, ядрена мать! Впрочем, в этом есть и позитив. Как писал канцлер Бисмарк: «Нельзя победить народ, который зимою ест мороженое», а русский человек мыслит проще: «Холодно зимою маленькой макаке, примерзают рученьки к воло-

сатой ср...» Но климат – это мелочь, главное другое: тебя постоянно обводят вокруг пальца, тычут носом, мягко говоря, в грязь, обжуливают все и везде, обсчитывают в ЖКХ, вышвыривают в старости из квартиры, дерут деньги за строительство жилья и дают деру за кордон. А в Интернете царит изощренный криминал, непрерывно втягивающий честного гражданина в темные аферы, каждый норовит выведать у тебя номер кредитной карты и ободрать как липку. Унижают и обштопывают абсолютно все: и президент, и правительство, и чиновники всех рангов, и торгаши, и дворники. Абсолютно все. И друзья, и враги. Ну на каком языке, кроме матерного, можно еще говорить? Как еще выразить себя и свое отношение к НИМ? Как успокоить душу? Иногда хочется просто выть, смотря волком на луну и складывая звуки в одно единое слово из трех или пяти букв.

Но вернемся к нашим баранам, мессер. Я мирно отбыл с Лубянки в свой Очройск... тьфу, Ясенево и даже доложил педантичному Бухгалтеру, что наши прогнозы произвели вполне нормальное впечатление на Председателя. Через неделю мне неожиданно позвонили из управления кадров и попросили зайти по делу. Не удивляйся, Джованни, что я употребляю слово «cadre», принятое лишь при комплектовании армии: наша страна после революции 1917 года воевала со всем миром за торжество Идеи с неистовством, не уступающим крестonosцам, воевала за новую цивилизацию, за нового человека! В кадрах мне спокойно сообщили об уволь-

нении по выслуге лет и показали приказ, под которым стояла подпись любимейшего Юрия Владимировича (как мило он улыбался, пожимая мне руку в последний раз!). Причем меня лишили даже ведомственной поликлиники – жестокость необыкновенная, если учесть скудость пенсии и болезни, которые дарит нам старость с гораздо большей щедростью, чем радости.

Выброшенный с любимой службы, как изношенный носок, я был в отчаянии и даже подумывал наложить на себя руки. Неужели разведка должна докладывать только то, что нравится начальству? История наша в этом смысле печальна, всем известно возмущение Иосифа Грозного шифровкой о грядущем нападении Гитлера, он считал это английской провокацией, а «цветок душистый прерий Лаврентий Палыч Берий» даже грозил стереть источников в лагерную пыль. Мудрый Мао Дзэдун заметил однажды, что разведка смотрит ему в рот и затем в своих докладах лишь доносит его мысли. Неужели история повторяется? Страданиям моим не было конца, не утешали ни «Солнцедар», вполне доступный при моей пенсии, ни цветы любви, которые я иногда срывал в порывах на наших подмороженных асфальтах.

Вскоре почил Леонид Стабильный, и его корона перешла к Юрию Премудрейшему, ставшему Генеральным секретарем партии – пост, Джованни, дающий власти больше, чем было у Лоренцо Медичи, которого вечно обвиняли в тира-

нии.

Вот почему я затрепетал, услышав голос Юрия Владимировича.

– Мисаил, сейчас время позднее, но не могли бы вы ко мне заехать? – мягко спросил он, чуть-чуть покашливая.

– Конечно, Юрий Владимирович! Конечно!

Сердце мое бешено забилося – как еще может чувствовать себя пенсионер, выброшенный на свалку и вдруг внезапно востребованный на самом верху?!

– Ехать прямо на Лубянку? – грудь распирало от радости.

– Нет, – отрезал Главный. – В Колпачный переулок. Машину за вами я высылать не буду в целях конспирации. Примите все меры, проверьте, нет ли за вами «хвоста»? Хорошо?

Долгая служба в разведке отучила меня от лишних вопросов, особенно по телефону. О том, что такое «хвост», ты, по видимому, не догадался, но это не хвост дракона, которым во Флоренции запугивали детишек, и не мрачные типы в длинных плащах с кинжалами за поясом. Это невидимые автомобили, это нежные мужчины и женщины, часто шикарно одетые, которых никогда не заподозришь в слежке. Поэтому я взял такси, доехал до метро, поглядывая вокруг, сменил несколько поездов, выскочил на площади Ногина, вышел на Богдана Хмельницкого (потом эти места в революционном порыве переименовали) и, петляя по переулкам, добрался до особняка в Колпачном, когда-то местожительства бывшего грозного шефа военной контрразведки Смерш («Смерть

шпионам») Виктора Абакумова, совершенно напрасно расстрелянного Никитой после кончины Иосифа Грозного. С тех пор сиятельные особы из суеверия воздерживались туда вселяться и использовали помещение в представительских целях.

Фасад дома выглядел серо и опрятно, я с понятным трепетом нажал на кнопку звонка. К моему величайшему изумлению дверь мне открыл сам Юрий Владимирович, одетый весьма по-домашнему: в тренировочных штанах из байки с начесом (такие выдавали в подведомственном ему спортивном обществе «Динамо»), войлочных тапочках и просторном палевом кардигане с железными пуговицами, наброшенном на белую рубашку с галстуком в крапинку.

– Не замерзли? – он ласково улыбался. – В помещении никого нет. Имейте в виду, что все происходит сугубо tete-a-tete сегодня, и завтра, и всегда! Впрочем, у вас и так превосходно развито чувство бдительности и конспирации...

Такое предисловие вселило в меня чувство особой ответственности. Мы вошли в кабинет орехового дерева на втором этаже и расположились в креслах рядом со стеллажами, уставленными книгами, там стояли полные собрания Ленина и Сталина, все сборники решений съездов партии. Юрий Владимирович включил электрический самовар и вынул из буфета сушки. Его аскетизм в личной жизни был общеизвестен, алкоголь он не жаловал, пищу потреблял незамысловатую и не переносил обильных угощений и возлияний, к ко-

торым был расположен Леонид Стабильный со товарищи.

– Ну как вам на пенсии?

– Как вам сказать... Вот из поликлиники выперли, – пожаловался я и почувствовал, что краска залила мне щеки: вот уж мелкая душонка! Тебя призвали для серьезного разговора, а ты со своей поликлиникой!

– Я сознательно сразу же постарался изолировать вас от чекистской среды, – улыбнулся Главный. – Вы не очень на меня обиделись?

Я промолчал, врать не хотелось, да и вообще все происходящее настолько захлестнуло меня, что казалось полной фантастикой. Обиделся ли я? Еще бы! Выгнать на мизерную пенсию и лишиться всех привилегий! И именно в тот момент, когда я собирался серьезно заняться своими зубами, съеденными проклятым кариесом. Но выкладывать все своему хозяину я не решился.

– Ну тогда уж извините меня! Вы поняли, почему мы вас уволили?

(Ох уж это «мы»!)

– Думаю, из-за моих прогнозов, – прямо ответил я, считая ниже своего достоинства разыгрывать простака.

– Ваших великолепных прогнозов, – поправил шеф, повергнув меня в изумление. – Ничего ужаснее я не читал... Помнится, такое же впечатление произвели на меня откровения Иоанна Богослова в Новом Завете и его описание Апокалипсиса. Честно говоря, после вашей работы я не спал

несколько ночей. Однако она положила конец моим сомнениям. Выхода нет.

Юрий Премудрейший встал и прошелся по комнате, шурша войлочными тапочками по отполированному паркету. Я был настолько поражен, что даже вынул изо рта сушку (простую, ванильные и прочие он не жаловал) и отставил в сторону чашку с китайским чаем, который ему обычно присылали заграничные резиденты КГБ.

– Вы готовы выполнить мое задание особой важности?

– Так точно! – ответил я и привстал, но Юрий Владимирович жестом усадил меня обратно.

Ты не представляешь, дражайший Джованни, что творилось в моей груди! Я боготворил Главного не меньше, чем ты восторгался Данте Алигьери, хотя в тот момент еще не считал его своим Учителем. Это чувство возникло позже.

– Я не сомневался в вашей преданности, Мисаил, ибо знаю вас давно, да и не забывал о вас...

В последнем я и не сомневался: после ухода на пенсию я явственно почувствовал на себе око бывших коллег, телефон прослушивался (с моим опытом установить это было нетрудно), стояли «жучки» и в спальне, и даже в уборной, я их обнаружил, но не стал выдирать... Зачем? Все равно воткнут новые! Ну а выявить «хвост» для профессионала – сущее удовольствие, иногда я даже специально заходил в ЦУМ или ГУМ и хихикал, наблюдая, как мои призраки носились по лестницам, меняли кепки на шапки, выворачива-

ли наизнанку и напяливали на себя пальто, специально сделанные в двух цветах, думая таким образом обвести меня вокруг пальца, ха-ха!

– Ваши выводы в прогнозах – ужасная правда, – продолжал генсек. – Этот процесс необратим, еще Левушка Троцкий предвидел разложение партии и термидор. А без партии нет и Советского Союза. Наша задача – восстановить истинный социализм, избавив его от наслоений прошлого.

– А вы уверены, что он нужен нашему народу, Юрий Владимирович? – позволил я себе некоторую идеологическую ересь.

– Я убежден в том, что страна создана для коллективного общежития. Большинство народа может жить не иначе как за счет хотя и мерзостного, но энергичного и талантливого меньшинства. Все спились, изжульничались, дегенерировали, генофонд безнадежно подорван – одни дебилы и олигофрены. Их невозможно заставить работать, они не умеют и не хотят. Каков выход? Уничтожить почти весь народ? Пересажать? Но это сталинщина! Остается единственное: создать новое общество из этого, весьма несовершенного материала.

Не могу сказать, что я возликовал от этих слов, Джованни: всю мою жизнь любимая партия только создавала и создавала нового человека и новое общество, старались изо всех сил, от трезвона головы лопались, ну и что? Построили? Так почему же такой зуд умчаться за границу? Как поется: *«Ехал Федя на Урал, в Калифорнию попал. Ах, какой рассе-*

анный зять Сары Моисеевны!»

– Извините меня за откровенность, Юрий Владимирович, но ваши первые шаги на ниве генерального секретаря, на мой взгляд, лишь повторяют печальные уроки прошлого. Неужели вы думаете, что, ловя на улице бездельников и строго учитывая время прихода на работу, мы подвигаем народ на строительство социализма? А как понять ваше решение – очень напоминающее страшные царские времена! – о снижении цены на водку? Разве это не популизм?

– Это хуже, чем популизм, это цинизм, правда? – совсем не обиделся шеф.

– Да! – сказал я с таким пафосом, что даже испугался.

Он промолчал, присел к столу, забросив ногу на ногу и поигрывая клетчатыми войлочными тапочками, и посмотрел куда-то поверх меня.

– Вы уяснили стратегическую задачу, но не полностью. Повторю: система умерла, мертвую лошадь не поднять даже кнутом, можно, конечно, вспрыскивать допинги, но кому нужен живой труп? Нам нужен истинный социализм, поддержанный народом на свободных выборах. На свободных, с альтернативными кандидатурами, без всяких подлогов!

«Боже мой, неужели он в это верит? – подумал я в ужасе. – Ну кто же будет голосовать за этот социализм? Ну, несколько слабоумных старушек из деревни, один-два романтика-патриота из Союза писателей...»

– Не будет ли это опасной маниловщиной – поверить в

социалистический энтузиазм народа? – я не мог лгать.

Юрий Владимирович довольно хохотнул, даже очки у него съехали на кончик носа, и доверительно похлопал меня по плечу.

– Вот тут мы и переходим, Мисаил, к сути операции. Любовь к социализму вырастет у нас из ненависти к капитализму, через который мы должны провести народ. Поэтому вам поручается составить план внедрения капитализма в СССР, причем не мягкого социал-демократического типа, как, допустим, в Швеции. Мы должны ввергнуть страну в дикий, необузданный капитализм, где царит закон джунглей и все рвут друг другу глотки. Вот так!

Он взволнованно встал, расстегнул рубашку, чуть распустил галстук и несколько раз пересек комнату. Спортивные шаровары совершенно не вязались с моднейшим кардиганом, словно низ туловища принадлежал забулдыжному тренеру «Динамо», а верх – выпускнику Кембриджа и академичу.

Так вот что он имел в виду! Это же не просто нестандартное решение (так в наше время, Джованни, называют все, что выглядит не так глупо, по-черномырдински, как всегда), это конгениально! Боже, вот это идея!

– Юрий Владимирович, – сказал я, запинаясь от волнения. – Все, что вы сейчас рассказали, по своим масштабам, превосходит, уж простите меня, даже план Октябрьского переворота! Чувства переполняют меня, позвольте пожать вам

руку, надеюсь, вы не сомневаетесь в моей искренности!

Я двумя руками ухватил его руку и затряс в благодарном порыве, даже слезы выступили у меня на глазах. Далее пошел чисто профессиональный разговор, затянувшийся далеко за полночь. Выпили не один стакан чая, съели все сушки. Учитель (с этого момента иначе мыслить о нем я не мог) передал в мое распоряжение свои личные шифры, специальное подразделение для ведения наблюдения и подслушивания, счета в наших и западных банках. Но, конечно, самым большим богатством была агентура, способная перевернуть не только все в стране, но и во всем мире.

– Через месяц ровно в девять я буду ожидать вас здесь, Мисаил, с первым вариантом плана операции. Назовем ее «Голгофа», – уставшим голосом сказал Учитель и поежился в своем кардигане, видимо, его необыкновенное чутье подсказывало исполненный мук иерусалимский *Via Dolorosa*, по которому провели Христа, осужденного на распятие. Он обнял меня за плечи (такого не бывало никогда!), свел вниз по лестнице, приоткрыл дверь и оглядел окрестности. Стояла глухая ночь, яркие звезды, подобные Вифлеемской, зажглись на небе, словно празднуя старт нашей беспрецедентной операции. Убедившись, что все тихо и спокойно, Учитель осторожно выпустил меня на улицу.

Я задумчиво шагал по любимой Москве, в то время по ночам еще редко убивали, наоборот, порой подходили добродушные пьяные, просили закурить и объяснялись в люб-

ви. Внимательно поглядывал по сторонам, наконец мне попало случайное такси, на нем я добрался до Пушкинской площади, а оттуда, проверяясь в переулках и дворах, добрел до дома.

План операции «Голгофа» был представлен Юрию Премудрейшему ровно через месяц, он распался на четыре этапа:

1. Системный развал существовавшего политико-экономического устройства страны.
2. Переворот и форсированное внедрение «дикого» капитализма.
3. Углубление хаоса и неразберихи в целях мобилизации озверевших масс на борьбу с властью под социалистическими лозунгами.
4. Свободные выборы и создание истинно социалистического (коммунистического) правительства.
5. Вся операция проводится под контролем КГБ.

Прости мой канцелярит, Джованни, бурный XX век полностью загубил живой язык: если вдуматься, что означает «системный», «форсированное», «мобилизация»? И загадочное слово «хаос» одинаково ассоциируется и с непознаваемым космосом, и с обыкновенным бардаком, где безумствует коллективный секс.

Мы на ходу корректировали этот общий план, сухой скелет все больше обрастал мясом, и проблемы, как обычно, упирались в людей с широким складом ума, их не хватало,

тем более что в политбюро (нечто вроде вашей Синьории, Джованни) преобладали вельможи весьма почтенного возраста. Правда, Учитель подталкивал вперед Михаила Рулевого – прозвище это он получил, благодаря своему умению рулить в любую сторону с одинаковым старанием и добрыми намерениями. Как поют у нас наши менестрели: *«Пароход уперся в берег. Капитан кричит: «Вперед!» Как такому раз... гильдия доверяют пароход?»*

– Конечно, я мог бы уже сейчас раскидать всех уважаемых динозавров: и Черненко, и Гришина, и Соломенцева, и Щербицкого с Кунаевым, – говорил Юрий Премудрейший, – однако наш план должен иметь заряд, так сказать, притягательного идиотизма. В любом случае следует сохранить в руководстве этих милых ретроградов-старичков, это разожжет в народе страсть к реформам... Это все равно что подержать человека в клозете, где кто-то уже порядком постарался. На первом этапе нужно пробудить силы, загнанные в подполье. По сути дела: чем социализм отличается от капитализма? Капитализм, провозглашая свободу и демократию, дает волю всем самым темным человеческим инстинктам. В нынешней системе мы жестко и крайне неумело зажали в тисках мерзкую душонку человека, поэтому, поверьте, стоит нам лишь немного открыть шлюзы, как все дерьмо тут же вырвется на самый верх! Рынок, свобода, болтовня, и к черту государственную монополию на водяру, пусть пьют на полную катушку! Но не сразу, конечно, в начале, наоборот,

надо поприжать, подзаломить ручки.

Так рёк Учитель.

Вдумайся в эту простую мысль, Джованни, и скажи мне: читал ли ты или видел лично политика такого масштаба? Разве не похожи на ненужный хлам герои твоих непревзойденных новелл – и короли, и вельможи, и пираты, и синьоры, и крестьяне, и ростовщики, и ремесленники, и купцы, и монахи, и слуги, и артисты, и врачи, и бродяги, и некроманты, и куртизанки? Учитель не беспокоился о первом этапе плана: в стране, где десятилетия угрюмо преподавалась политэкономия социализма (загадочная наука о загадочной системе), естественно, отсутствовали истинно образованные экономисты, понимавшие толк в рынке, к этому хлебному делу присосалась еще масса полных идиотов – так что экономический развал страны при введении свободного рынка был неизбежен.

Обсуждали мы, как говорится, кадровые проблемы. Много звучных имен прошло через нас, и большинство заняли свою нишу в операции. Смешно, Джованни, но те имена, которые пробуждали народ, словно звук горна (вроде Попова, Станкевича или Артема Тарасова), ныне забыты или почти забыты. Многих уже прикончили, остальных прикончит история. Забвение поглотит всех. Впрочем, так бывало во все века. Разве во Флоренции кто-нибудь ныне помнит грозного в твои времена Угуччоне делла Фаджиолу, сперва завладевшего Пизой, а затем Луккой, куда его впустила гиббелин-

ская партия? А кто знает имя Готье, герцога Афинского, деяния которого ты переживал в своем родном городе, или подерживающие его пополанские семьи Перуцци, Аччаюоли, Антеллези и Буонакроси? Все мы, даже самые великие из нас, – лишь факиры на час, Джованни, и не надо обольщаться ни своим могуществом, ни гениальностью, время все превращает в прах, и нет ничего слаще сиюминутной жизни.

Прости мне это грустное отступление, но оно вызвано воспоминаниями о поисках кандидатуры на место лидера первого этапа (Учитель уже предчувствовал свою кончину). Ищущий взор его остановился тогда на единственном члене политбюро, еще не растерявшем мозги и не выпавшем в осадок от недугов, – на Михаиле Рулевым, прошедшем славный путь в Ставропольском крае: от трактора до сановного кабинета. Заметь, Джованни, что в моей стране существует пристрастие столицы к провинции, причем самой захолустной: Владимир Неистовый – из затрапезного Симбирска, Иосиф Грозный – из беднейшего села Гори на Кавказе, Никита Беспокойный – из загаженной деревни на Украине, Леонид Стабильный – из весьма занюханного Днепропетровска... Правда, нынешний ВВ из Питера, но это как бы намек на империю Петра Великого. Чем объяснить этот феномен? Почему? Нет ответа.

Михаил Сергеевич считался мастером закулисы, хотя многим он казался излишне многоречивым и несколько нерешительным, о чем я не преминул заметить Юрию Вла-

димировичу.

– А разве многоречивость мешала Цицерону? – возразил Учитель. – Разве она не укрепляла его политическую популярность? Да что Цицерон, возьмите нашего Ильича (так трудящиеся называли Владимира Неистового, они, дураки, не читали его записочки своим комиссарам, где только «повесить!» и «расстрелять!»). За свои недолгие годы он наговорил и написал с три короба, куда Цицерону до него! Так что все это только на пользу. Правда, Михаил иногда любит блеснуть эрудицией, и один раз на политбюро даже спутал consensus с coitus, но ведь это мелочи! Верно: он не отличается решительностью, но для первого этапа это то, что надо: корабль помчится без руля и без ветрил прямо к рифам! К тому же он всегда прекрасно одет, у него превосходные манеры, хотя он любит «тыкать». Но у нас к этому привыкли и даже обижаются, когда генсеки излишне вежливы. В международных делах это не повредит – ведь в английском языке «ты» попросту не существует, так что эта бесспорная слабость никак не скажется на наших отношениях с главными партнерами.

– Жена у него слишком хорошо одевается... – вставил я.

Признаться, Джованни, я вообще недолюбливаю чужих жен (если, конечно... но не будем об этом). И все потому, что на секретной службе женщины постоянно нас подводят: то ляпнет соседке, что муж-дворник в посольстве на самом деле генерал КГБ. Или, найдя в боковом кармане шифровальную

таблицу, сочтет ее закамуфлированной любовной запиской и грохнет по голове скалкой, или удерживает тебя за кальсоны, когда в пять утра тебе надо мчаться на тайную встречу с агентом. Женщины амбициознее мужчин, их и близко нельзя подпускать к власти.

– Ну что вы пристали к его жене? – возразил Учитель. – Иногда мне кажется, что вы не понимаете всей сути моего плана. Первый этап означает полный развал и деструкцию, в том числе и самого лидера. Да, Раиса Максимовна элегантна и обладает вкусом – именно это и погубит нашего Рулевого, ведь народ не выносит красиво одетых жен руководителей, он воспитан на Анке-пулеметчице в кожанке, на похожей на домработницу толстой и добродушной супруге Никиты (в реальности образованная дворянка). При Иосифе вообще жен не выпускали на публику, Старик прекрасно знал, что они подмочат любую политическую репутацию. Это нам и надо. Для компрометации коммунистической партии и самого себя Михаил должен провести антиалкогольную кампанию – самое идиотское начинание для России. Сделать это надо не формально, не на бумаге, как принято у нас в партии, наоборот, вырубать виноградники, демонтировать вино-водочные заводы, исключать за пьянство из партии, судить и сажать за появление на улице в пьяном виде! Начало «Голгофы» должно быть отмечено крайним идиотизмом...

Ты не представляешь, Джованни, сколько мудрости мне дали беседы с Учителем! Я возродился из пепла, словно Фе-

никс, я вылез из депрессии, которую испытал и ты после смерти от чумы отца и написания измотавших тебя шедевров!

Работа над «Голгофой» кипела. Мы продолжали тайно встречаться в Колпачном в кабинете вождя Смерша Виктора Абакумова, Учитель задумчиво листал труд Иосифа Грозного «Вопросы ленинизма».

– Тут есть пометки на полях Виктора Семеновича, – говорил он, улыбаясь чему-то своему, возможно, незримой тени Абакумова (Учитель мыслил нестандартно и тайно уважал палачей). – Иосиф – это еще один парадокс истории. Сын алкоголика-сапожника, недоучившийся семинарист, ставший политиком высокой пробы, могучим диктатором и колоссальным интриганом, перед которым меркнут и Макиавелли, и Меттерних, и Бисмарк, не говоря уж о таких сосунках в политике, как Рузвельт или Черчилль, несмотря на их Оксфорды и Гарварды. Человек с огромным геополитическим чутьем. Актер почище, чем Кин или Щепкин. Единственная его ошибка, что он не создал социалистическую монархию с опорой на органы безопасности.

Дети у него, конечно, были никудышнее, а вот монархия, в которой преемника готовят силовики, изначально имеет стабильность. Грузин? Ну и что? Можно подумать, что после Петра существовали императоры с русской кровью! Немцы, голштинцы, датчане, прочая шваль! А ведь о восстановлении монархии завоюют уже на первом этапе, мой дорогой Ми-

саил, царей начнут идеализировать, будто они были манной небесной для народа, и помещики не драли три шкуры с крестьян, и купцы не обворовывали, и капиталисты-кровососы были благодетелями... Прогнивший был режим – вот и рухнул!

Беда в том, что замены не было. Повалили из тюрем все эти борцы за счастье народное, среди них недоумки и бродяги, зато на трибуне, словно рыба в воде. Все это надо учесть и в нашей «Голгофе», мы еще больше прогнили и застоялись, не надо отбрасывать всю дрянь, там будут и жемчужные зерна, которые следует пестовать. Неудачливые лаборанты, бездари-писатели, считающие себя гениями и в подтверждение этого работающие истопниками, младшие научные сотрудники и кандидаты наук – полные невежды, жаждущие самоутверждения, фарцовщики и спекулянты, все эти шалопаи в таких темпах начнут накапливать капитал, что вздрогнут в гробу Морганы и Рокфеллеры. Торгаши станут отцами нации, все жулье ринется в политику и начнет оттеснять нашу партноменклатуру, точнее, ту часть, которая не успеет перестроиться, те есть провороваться.

Вот, кстати, и хорошее название для первого этапа, мутное и обтекаемое – ПЕРЕСТРОЙКА. (Потом разная шпана распевала: *«Лежит милая в постели, я лежу под койкою. Как же мы достигнем цели с этой перестройкою?»*) Никто не знает, что и зачем перестраивать, но звучит! Наш народ обожает лозунги, свыклись же мы с такими идиотизмами,

как «Партия – наш рулевой» или «Экономика должна быть экономной»! Однако нужны иные лозунги и понятия, интригующие и еще более мутные: «Новое мышление» (а бывает ли старое?), «общечеловеческие ценности» (можно подумать, что человечество – это одна семья!), побольше редких слов вроде «судьбоносный» или «плюрализм». Все это должно ошарашивать. А вот на втором этапе побольше знакомых и вроде бы понятных терминов: «свобода», «демократия», «частная собственность», «социальная справедливость», «суверенитет». Вы любите Сашу Черного? – вдруг спросил Юрий Владимирович.

– Признаться, почти не читал... – смутился я.

Учитель улыбнулся и прочитал наизусть. Поэзию он знал великолепно, а его собственные стихи по силе не уступали Мао Дзедуну, недооцененному великому поэту.

*Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится.
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.
Не топись, охранный воин, —
Воля улыбнется.
Полицейский! Будь спокоен:
Старый гнет вернется.*

– Саша Черный написал это 16 февраля 1906 года (какая память на даты, Джованни!). Все точно. Только у нас будет

гнет социалистический и приятный – ведь общества без гнета не бывает, просто одни называют это свободой, а другие – рабством.

Конечно, дорогой Джованни, не все провидел великий Учитель – боюсь, что вовсе незнакомы были ему такие слова, как «ваучер» или «пирамида», не говоря уже о «секвестре» или «транше», весьма неопределенно представлял Юрий Владимирович и третий этап, все ему казалось, что уже на втором этапе под тяжестью реформ народ взбунтуется и преждевременно потащит правителей на виселицу, а кадры для замены еще не созреют. Не знаем мы свой народ, его долготерпение.

Но я обгоняю время, Джованни, а тогда мы вдвоем уже искали лидера для второго, постмихаиловского этапа, буквально обсасывали каждую кандидатуру.

– М-да, существует множество блестящих умов в международном отделе ЦК, но все они обинтеллигентились и не годятся на роль народного лидера, – говорил Юрий Владимирович. – Черняев, Загладин, Бурлацкий. От них так и пахивает академией наук, нафталином и ученостью, а наш народ этого на дух не выносит. России нужен истинно русский характер, эдакий Илья Муромец с разухабистостью и широтой, выпивоха и балагур, который может и сплясать под гармошку, и сигануть на спор с моста, и дать в нос, если ему так захочется...

Так мы вышли, Джованни, на другого великого челове-

ка из глубинки – Бориса Властолюбивого, большого партийца из города Свердловска, места убиения романовской династии, возможно, и появления династии новой (ты понял намек?). По своей идеологии и партийной закваске он почти не отличался от Михаила, но был гораздо бездумнее и тверже, ибо власть он не просто любил, власть для него заслоняла все на свете. Для Бориса мне предстояло создать имидж и за рубежом, и в стране, отучить от авторитарных замашек и вылепить подобие демократа вроде Рузвельта, но в русской упаковке. Движущей силой второго этапа мы избрали самую крикливую часть интеллигенции, Учитель относился к ней со снисхождением, но любовно.

– Помните, вы приносили мне анализы их разговоров на кухнях, Мисаил? Больше всего меня поразила не суть – я и так прекрасно знал, что они держат фигу в кармане, – а то, что они во время бесед включают воду, исходя из нелепой предпосылки, что КГБ не в состоянии фильтровать шумы. Им бы у большевиков поучиться конспирации! Публика эта ненадежная, каждый будет дуть в свою дуду, потом все передерутся, но по невежеству, конечно же, грудью встанут на защиту свободы и рыночных реформ. Что они знают о рынке и за границе? Мы выпускаем их порой туда в командировки за счет государства, и все впечатления у них складываются на основе витрин, никто толком не знает, как живут и как зарабатывают деньги на Западе. Вообще вопросы денег нашу интеллектуальную элиту не волнуют: у них масса и са-

наториев, и дачи в Переделкино и прочих оазисах, и дикие тиражи книг, которые никто не читает, и государственные премии, и бесплатные квартиры, которые они, дураки, совершенно не ценят. Где еще в мире государство содержит 10 тысяч писак, из которых сносно писать может человек пять-шесть? Где еще есть рестораны актеров, дома ученых, журналистов или архитекторов опять же за государственный счет? Попробуйте отыскать в Нью-Йорке центральный дом американских литераторов! Но рынок эти обалдуи поддержат, ибо каждый считает себя гением, на которого будет спрос, а потом все пойдут по миру с голой задницей!

Юрий Владимирович хохотнул и потер руки.

– Вы не представляете, Мисаил, в какую ажитацию они придут, когда обнаружится, что свиное корытце пусто; как поскачут они, расталкивая друг друга, за разными литературными и прочими премиями, учрежденными жульем, дабы прикрыть себя благотворительностью; как заискивающе начнут заглядывать в глаза бывшим барменам, а ныне хозяевам мира, владельцам бензоколонок, проституткам, ставшим женами разбогатевших мясников. Как они начнут лизать задницы всем заграничным благотворителям! Вот тогда они вспомнят советскую власть, вот тогда они заскулят...

Что и говорить, Джованни, тебе, Петрарке или Данте и не снились те привилегии, которые имела наша творческая интеллигенция! Когда изгнали из страны Данте, он бедствовал, скитаясь за границей, наши же редкие изгнанники купались

в западном золоте, лишь немногие потом вернулись назад.

«Голгофа» уже была утверждена Учителем и полностью готова к реализации, когда Судьба сыграла с нами злую шутку: в феврале 1984 года Юрий Владимирович почил. Болел он не очень долго, но тяжело, ухитряясь в минуты облегчения корректировать свой план. Беда в том, что в больницу являться он мне запретил, не хотел, чтобы я засветился перед осаждавшими его там членами политбюро, они все подхалимствовали, и каждый мечтал, что его назначат преемником.

Контакт мы поддерживали через специальный телефон с автоматическим шифровальным устройством, уже на смертном одре он попросил меня не форсировать приход к власти Михаила Рулевого, а поддержать общество в состоянии нервного ожидания: «Чем темнее ночь, тем ярче звезды».

Согласно этому указанию, используя мощные агентурные возможности, у власти я поставил совершенно больного Константина, друга Леонида Стабильного, пугая общество тем, что после него вожди возьмут еще более старые и больные люди. Это напугало даже самих динозавров в политбюро, и, когда Константин испустил дух, ЦК партии на апрельском пленуме 1985 года выбрал в вожди фаворита «Голгофы» Михаила Рулевого.

Согласно плану, Михаил сразу развернул мощнейшую антиалкогольную кампанию, боролся, как говорят, железом и кровью, такого ужаса в России никогда не бывало, однако ал-

когольный дух сломить, естественно, не удалось, народ предпочитал травиться самогоном из козьего дерьма, политурой, одеколоном и разбавленным водой гуталином. Травились, но не сдавались. Этого тебе, истинному флорентийцу, избалованному вином «соаве» и «пино гри», уж точно не понять.

Пил ли ты когда-нибудь, Джованни, вонючую воду из застоявшегося венецианского канала? Так вот: это – восхитительнейшее питье по сравнению с тем, что вошло в народный быт у нас! Причем над пьющими постоянно издевались: дефицит, талоны, длиннющие очереди, только по бутылке в одни руки, только при наличии пустой тары, причем вымытой до блеска и с содранной наклейкой. Представляешь, как унижительно чувствовали себя некоторые гранды, оттирая ногтями и слюной бутылочные наклейки? В каждом магазине устанавливался свой непредсказуемый порядок, средние классы, пренебрегающие политурой, для страховки носили с собой портфели, набитые пустыми бутылками, они звенели на ходу, как колокол, и звали на бой.

Конечно же, это придало особо дегенеративный характер последующим лозунгам 1986 года – ГЛАСНОСТИ (тогда пошел в ход запущенный мною тезис: *«Мы все живем в эпоху гласности. Товарищ, верь! Пройдет она. И Комитет госбезопасности запишет наши имена»*), УСКОРЕНИЯ (ускоряли всё: и набивание карманов, и автомобильное движение, и даже коитус) и ДЕМОКРАТИЗАЦИИ (у одних замки и яхты, у других – дырка в бублике). В 1987-м мы славненько

вылили помой на лиц старшего поколения, обозвав период Леонида Стабильного ЗАСТОЕМ (представляешь, как возненавидели Михаила массы ветеранов, и не только они?!), на июньском пленуме ЦК КПСС были посеяны ростки новой экономики, основанной на ХОЗРАСЧЕТЕ и КООПЕРАЦИИ. (якобы об этом только и мечтал Владимир Неистовый в свои последние трагические годы!).

В том же году я уже начал осторожно натравливать Бориса на Михаила. Первый оказался слишком совестливым и робким и все боялся, что его упекут в больницу и впрыснут смертельные уколы. Но Михаил был чувствителен даже к самой легкой критике, поэтому мои люди довели до него сплетни о его супруге, якобы распространенные Борисом, – самый простой и эффективный способ, и не надо тут никакой агентуры влияния: великие дела вершатся на уровне кухни. Михаил был вне себя и с треском вышиб Бориса из поллитбюро. Ситуация обострилась, но все равно мы никак не могли выйти на намеченные рубежи.

Ах, как все затянулось! Рулевой все раскачивал и раскачивал лодку, продвигая ее ко второму этапу, и никак не мог ее перевернуть, хотя уже в 1988 году на XIX партконференции страсти бушевали. И не столько был виноват нерешительный Михаил, сколько партийная номенклатура, за исключением некоторых ярких единиц, особенно среди комсомольцев, которые сразу почувствовали, куда дует ветер, и начали хапать по мере сил.

Увы, большая часть партии оказалась тупее ослов (не подумай, что я не уважаю Апулея Луция в шкуре жизнелюбивого золотого осла, дорогой Джованни, просто наши ослы принадлежат к особой, уникально тупой породе), все держались за стулья и не желали никаких перемен. Удивительно трусливая и нерешительная публика! Не мог же Михаил Рулевой с высокой трибуны заявить: товарищи, давайте строить капитализм, рвите на части народную собственность, превращайтесь в банкиров и предпринимателей! А они, дураки, ничего не понимали, особенно в обкомах, им все казалось, что предел мечтаний homo sapiens – это госдача, спецпаек, спецмедицина и поездка с санкции ЦК раз в год за границу на съезд какой-нибудь партии племени мумбо-юмбо с командировочными аж 30 долларов в сутки!

Не призывать же тогда Михаилу: товарищи, вы будете иметь миллионные счета в швейцарских банках, вы построите себе шикарные виллы и даже замки в Испании и Франции, не говоря уже о Николиной горе или Архангельском! Вы будете направлять своих деток на учебу в закрытые аристократические школы наподобие английского Итона, и они закончат Сорбонну, Кембридж или Беркли! Не убеждать же ему: ваши жены будут бродить по Цюриху с кредитными карточками, и отдыхать вы будете не с семьями в безвкусных цековских санаториях (где всегда глаз КГБ и завистливых коллег), а с юными любовницами на Канарских островах, в суперлюксах с сауной и джакузи! Не мог заявить этого товарищ Ми-

хаил Сергеевич по естественным политическим причинам, а партийная публика не ухватывала подтексты и намеки.

«Голгофа» буксовала, что оставалось мне делать, Джованни, дабы претворить в жизнь предначертания Учителя? Во-первых, рыть яму под Михаила с помощью активных мероприятий (в твоё время их называли интригами и сплетнями), внедрять агентуру влияния в средства массовой информации, особенно в электронные, она обрабатывала население, рисуя прелести свободного рынка. Во-вторых, создавать имидж Борису, что было невероятно трудно, ибо он был упрямым, как тот самый Луций. Ах, если бы он пил не по праздникам и прелюбодействовал, как все нормальные цари во все века! Любовь народа упала бы на него сразу! Ан нет! Скрывал свой грех, иногда делал вид, что выпил рюмку, но тут же выпускал спиртное в бокал с водой.

Сколько слухов мы распространяли о его пьянстве, я лично монтировал киноплёнку с его выступлением в институте имени Джонса Гопкинса в США, делал это в замедленном темпе, дабы он еле шевелил языком. Если бы не Михаил Рулевой, никогда не создать бы нам имидж Бориса – народного героя, пьянчуги и рубахи-парня! Из искренней ненависти к своему конкуренту Михаил был счастлив приписывать ему все человеческие грехи и яростно взял на вооружение тезис о пьянстве своего соперника, быстро внедрив этот образ в народное сознание. А тут и я постарался, помог его лепке: пригласил Бориса на берег Москва-реки, познако-

мил там его с одной красоткой с дивными ножками, упоил его в доску, втащил на своем горбу на мост и сбросил в речку. Операция была разработана четко: девица орала, будто ее насиловали, на крики прибежала милиция, вытащили из воды очень веселого Бориса, тут же появилась пресса. Шум поднялся невероятный, и репутация Бориса Безрассудного взлетела до звезд.

Покойный Юрий Владимирович считал, что уже в 1988 году Борис сметет Михаила, однако – поразительное дело! – на конфронтацию они не шли, все норовили закончить миром. Но как же тогда резко перейти к новому курсу дикого капитализма? Без катаклизмов такого не сделаешь, поэтому пришлось обратиться к помощи Бухгалтера, с которым я трудился до своего возвышения, тот и начал готовить тайный заговор, который под названием ГКЧП и был осуществлен в августе 1991 года, когда Михаил нежился в бархатном Крыму. Естественно, осуществлен нелепо и неумело, ибо Бухгалтер и его соратники нюхали мятежи лишь в учебниках и умели лишь жарко шептаться в цеховских коридорах или в банях.

Народ окрестил ГКЧП «Государственным Комитетом Чрезвычайных Придурков» и распевал на улицах:

Путь наш хунтою начертан.

Комитет нам друг и брат.

Он немного пиночетен

И слегка хусейноват.

Ах, какое было время! Какие ожидания! История навсегда запомнит Михаила в бабушкиной кофте, сходившего вместе с похудевшей и прекрасно бледной супругой с трапа самолета. А как восхитителен был полковник Руцкой, рассказывавший по телевидению об аресте «Бухгалтера», словно об аресте самого Гитлера! Заговорщиков с позором препроводили в тюрьму, но через некоторое время всех выпустили: этим актом Борис и окружение намекнули, чтобы и с ними в случае чего поступали точно так же! Правда, всю песню испортил непредсказуемый латыш, милицейский министр Пуго, он принял этот фарс всерьез и пустил себе пулю в лоб...

Свобода, демократия, новая счастливая жизнь. Энтузиазм был настолько велик, что даже я, организатор всей «Голгофы», вдруг во все поверил и, обливаясь слезами, аплодировал Борису на заседании Верховного Совета, когда он сгоряча запретил коммунистическую партию.

Михаил и не подозревал, что дни его сочтены, он жил иллюзиями и не понимал, что главной фигурой ГКЧП был Борис, добивавшийся его свержения. Человек порядочный и доверявший своему окружению, он продолжал править на пустом месте, и очень удивился, когда в приватной беседе я деликатно намекнул, что первый этап «Голгофы» пройден и на шахматной доске должны появиться новые фигуры. Как так? Что за новость? Михаил был искренне поражен.

Удивительная вещь – власть, дорогой Джованни! Она пол-

ностью меняет человека, и не только его суть, но даже мимику, походку, манеру пожимать руку. Нет атрибутов власти – и человек бессильно мечется, как в супермаркете, наступая на ноги публике: ведь он уже забыл, как делать покупку, где брать корзинку для продуктов, он бессилён, как Самсон, которому отрезала волосы Далила, он рад бы призвать на помощь ближних, но не знает, как позвонить из телефона-автомата, куда сунуть монетку. Уходили ли добровольно из власти правители Флоренции? Никогда. Так что все повторяется, и нет ничего нового под солнцем. Но Борис уже подложил мину под самоуверенного Михаила: взорвать президентскую должность, развалив государство. Если нужно было бы ради власти уничтожить полмира, он легко пошел бы и на это.

Блестящие стратеги развала, вынырнувшие, словно из золота, Бурбулис, Козырев и Шахрай вывезли шефа в Беловежскую Пущу и там, в шикарной бане с вениками, при хорошем поддатии вместе со средней руки белорусским профессором и заурядным украинским партайгеноссе Советский Союз гильотинировали и радостно начали новую капиталистическую жизнь.

Учитель никогда не одобрил бы этого, но он сам всегда просил не воспринимать его указания как догму. Поэтому я, скрепя сердце, поддержал развал, понимая, что он станет незаживающей раной, полезной для разжигания народного гнева на последнем этапе «Голгофы». Вспоминаю Юрия Владимировича:

– Лет через двадцать (как он ошибся!) Советский Союз распадется по национальному признаку, затем дробление будет углубляться, и это неудивительно. Как капитализм сам готовит себе могильщика в лице пролетариата, так и мы, вырвав после революции отсталые нации из феодализма и обучив новые кадры, сами готовим себе конец. Дело в том, что нет ничего отвратительнее нацмена – полуинтеллигента в Средней Азии, на Кавказе или на Украине, какого-нибудь недоучившегося учителя или, не дай Бог, поэта! (Актеров ЮВ ценил, дочка его была замужем за актером). Работать он не хочет и не может, ему подавай национальную независимость, которую он оседлает на все сто. Как было славно на национальных окраинах при отсутствии грамотности! Впрочем, это не только наша беда – Британская империя отстроила свои колонии и обучила в Оксфорде и Кембридже тысячи и тысячи туземцев. Кем они стали впоследствии? Могильщиками империи и сторонниками независимости. Что стало потом? Ничего хорошего – достаточно побывать в бывшей английской Африке или в Пакистане. Чем кончится у нас? Тем же. Добьются независимости, все развалят к ангидрит его матери, а потом все эти недоучки вместе с возвращенным ими жульем сбегут в Европу или в ту же Россию, оставив все расхлебывать нам. Поэтому интеграция неизбежна, она придет через дезинтеграцию, просто нужно терпение...

Говоря о развале Советского Союза, дорогой Джованни, мне хочется натянуть на себя шутовской колпак и спеть из

шекспировского «Короля Лира»:

*Тот, кто решился по кускам
Страну свою раздать,
Пусть приобщится к дуракам —
Он будет мне под стать.*

*Мы станем с ним, рука к руке,
Два круглых дурака:
Один — в дурацком колпаке,
Другой — без колпака!*

Путь для реформ был расчищен, требовалась поддержка народа. К счастью, в тот момент массы боготворили Бориса, да и сам он вел себя весьма искусно. Чего только он не обещал народу, как только не играл на его чувствах, развернув шумную борьбу с привилегиями (впоследствии при нем они возросли в десятки раз!), и даже покинул знаменитую кремлевскую поликлинику, поменяв ее на скудную районную, — если бы гранды шли на такие трюки во Флоренции, мой дорогой мессер, они правили бы вечно!

Непревзойденный мистификатор Борис раскатывал на дешевой «Ладе», намекая, что в будущем «членовозы» исчезнут (действительно, эти огромные катафалки исчезли, и их в огромном количестве заменили «мерседесы»). Однажды для обострения чувствительности населения я лично остороженько задел его легковушку бампером своей машины, прес-

са была наготове, ей все подали как покушение на драгоценную жизнь народного заступника. Его рейтинг тут же взлетел к небесам – ведь у нас обожают обиженных, униженных и юродивых!

Не знаю почему, милейший Джованни, но мне приходит на ум твоя четвертая новелла о Бруно и Буффальмако, укравших у Каландрино свинью и убедивших его найти ее при помощи имбирных пилюль и вина «верначчи». Эти прохиндеи внушили ему, что похититель – он сам, и заставили откупиться под угрозой рассказать об этом жене. Наш народ весьма напоминает Каландрино. Забавно, правда?

«Открыть все шлюзы!» – вот лозунг второго этапа. Если человек по своей природе суть смесь волка с мелким жуликом, то нужно лишь выпустить его из клетки в лес – там он утвердит себя.

– Мне совершенно ясно, – говорил Юрий Владимирович за месяц до своей кончины, – что проведение реформ следует возложить на интеллигента, желательно на «лицо еврейской национальности» (слово «еврей» Учитель не употреблял, считая, что оно не соответствует духу пролетарского интернационализма), хотя и не обязательно. Особенно важно, чтобы у него были разъевшаяся морда и дурная фамилия, неплохо, чтобы он шепелявил или ронял вставную челюсть, обязательно лысый или серьезно облезший. Такого найдете без труда в любом НИИ, там распивающих чай теоретиков пруд пруди, все они только рвутся во власть и на полном се-

ръемы затеют какую-нибудь ерунду по Хайеку или даже по основателю либерализма Джону Стюарту Миллю, которых они просматривали после пьянок.

Реформы должны быть жестокими и радикальными, люди должны буквально взвыть от отчаяния, нужно сразу же обобрать всех, введя свободные цены. Зачем на старте нужен интеллигент профессорского вида? Дабы затем легче было обратиться против него гнев народа, который до сих пор не выносит людей в шляпах и очках. Необходимо углубить этот бурлящий гнев, довести его до белого каления, и именно поэтому, не дожидаясь свержения интеллигента, следует заменить его на хронического троечника, не вызывающего подозрений, такой образ близок народу, который сам звезд с неба не хватает и тонко чувствует родственную душу. Неплохо, чтобы он был из бедных крестьян и играл на балалайке или на гармонии, как нарком Ежов. Представляете, какое будет разочарование потом?!

Разве не гениально, дорогой Джованни? Разве не изощренно хитроумно? Но не буду опережать события. Реформы запустили с помощью весьма милого Егора Гайдара, внука детского писателя, интеллигента до мозга костей, знавшего прекрасно жизнь по рассказам своей домработницы и по книжкам Корнея Чуковского. Добрейший человек, но ради полета мысли мог уничтожить все что угодно. В нашей стране премьер-министры, увы, непопулярны, еще непревзойденный Пушкин писал: *«Когда смотрюсь я в зеркала, то ви-*

жу, кажется, Эзоп, но стань премьер наш у стекла, как вдруг покажется мне попа».

Рычали, грызлись, рвали, отпустили цены, создали биржи, установили свободный валютный курс и бешеную инфляцию, разорили почти все население, присвоили государственное имущество, но никак не могли его поделить. Большинство завыло, но уже закручивало гайки деятельное меньшинство – оно не с неба свалилось: наиболее крутые дельцы готовились, по плану Учителя, в спецшколах КГБ. С расчетом быстрого проникновения в среду западной мафии мы обучали их иностранным языкам (кстати, приходилось шлифовать и русский), навыкам снайперской стрельбы, умению носить смокинг и галстук-бабочку, не вытирать руки о скатерть и не есть омара с ножа.

Вой и визг постепенно нарастали – последовал новый тонкий ход: заменили мягкогубогоеврейского профессора на толстощекого богатея, бывшего советского вельможу (подбирали по антибуржуазным плакатам РОСТА в исполнении В. Маяковского), вроде бы простака. В лозунгах и обещаниях он тоже поднаторел, правда, был до крайности косноязычен, хотя и компенсировал это утробным хохотом и игрой на аккордеоне (увы, не на гармошке, как нарком Ежов!). Косноязычие и простецкая внешность – ключ к сердцу избирателей, мысли и чувства населения обратились в ненависть к ушедшему профессору, зато нового премьера Черномырдина приняли с любовью, почувствовав в нем своего парня,

заревели от восторга, и даже коммунистическая оппозиция бросилась ему в ноги.

Нажали на все рычаги, у некоторых аж кишки вылезли изо рта, бедствовали целые регионы, все обворовывали друг друга, а тех, кто роптал, убивали преступники, росла безработица, и без того голоштанное население клевало на призывы бандюг и сдавало свои деньги в липовые банки под огромные проценты (естественно, все они лопнули, а хозяева слиняли за кордон), взяточничество стало нормой, об этом много шумели, но никого, естественно, не посадили. И все же накал горения толпы для нашей страны был слаб (во Флоренции за такие проделки уже, наверное, утопили бы всех правителей в Арно!), поэтому требовалось подогреть страсти политически, и тут мы сделали ставку на телевидение.

Последнее, Джованни, это небольшой ящик, который можно смотреть дома круглые сутки (что еще делать безработным и пенсионерам?), рассчитан он на идиотов и весьма уступает бродячим кукольным театрам, которыми и поныне славится Флоренция. Теперь поразмысли: нищенствующий гражданин в полотняных трусах, пожирая вареную картошку с сельдью, наблюдает сериалы из жизни богатых и – last not least – рекламу продуктов и вещей, цену которых он даже представить не в состоянии. Звучат красивые названия, мелькают обольстительные девичьи и холеные джентльмены, а рядом презентации, обожравшиеся хари во фраках и с коньяком Remy Martin в жирных руках, вертлявые проститут-

ки в муаровых платьях декольте – нынешние хозяева и хозяйки страны. Ловко придумано? Разве нормальный человек не испытает потребность схватиться за кинжал?

К осени 1993 года настало время сменить Бориса Властолюбивого и перейти к третьему этапу: полному хаосу и абсолютной потере властью рычагов управления. Тут я и призвал Бориса к себе в кабинет, расположенный в подземном бункере в метро «Охотный Ряд», построенном во время войны по указанию Иосифа Грозного. Туда в 1942 году во время немецкой бомбежки ходили продолжать ланч прямо из обеденного зала отеля «Националь» лорд Бивербрук и американский посол Гарриман – официанты шли сзади и несли на подносах стерлядь, семгу, расстегаи и виски.

– Пора выходить на третий этап, батенька... – сказал я мягко.

– Не хочу! – вдруг отрезал он, и глаза его загорелись воистину дьявольским огнем.

– Разве вы забыли свои обещания Юрию Владимировичу? – пытался урезонить я его. – Низы уже не могут, а верхи не хотят, голубчик. Пора, брат, пора... покоя сердце просит.

– Я и сам смогу провести третий этап «Голгофы!» – отрезал он, глядя на меня чистыми, как у ребенка, глазами. (Я вспомнил великого Бернса: *«Нет, у него не лживый взгляд, его глаза не лгут. Они правдиво говорят, что их владелец – плут».*)

Я сдержал гнев: в истории даже самые верные агенты про-

дельвают сальто-мортале и перечат своим хозяевам. Будем философами. Разве Владимир Неистовый, славно использовав денежки германского кайзера, не уничтожил его, поддерживав потом революцию в Германии? Разве Иосиф Грозный не перестрелял почти всех своих соратников, которым обязан властью? Разве не сверг Никиту Беспокойного его выдвиженец Леонид? Разве Михаил Рулевой не стал ворошить прах своего наставника Леонида Стабильного? Черт побери, даже ученик Христа, апостол Петр, предал своего Учителя сразу же после его ареста! Воистину власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Так почему бы не нарушить свои обещания Борису, если еще его духовный учитель Владимир Неистовый считал их коркой от пирога, которую обязательно нужно сломать, если хочешь съесть пирог?

Но я отвлекся на сухую дидактику. Борис не уступал. Как известно, Джованни, «Голгофа» не предусматривала мятежей и революций, все решалось бескровно – так повелел Учитель. Но что делать, если история не обходится без повивальной бабки – насилия? Не ношусь ли я с этими свободными выборами как с писаной торбой? Так бы и пришла французская буржуазия к власти, если бы не поработала гильотина! И неужели США вышли бы из Британской империи, если бы не война за независимость?

Частенько, Джованни, я вспоминал пассаж из твоей новеллы, где две монашки обхаживали якобы немого Мазетто, одна предложила его соблазнить, а другая воскликнула:

«Ахти мне! Разве ты не знаешь, что мы дали Богу обет в своей девственности?», на что получила достойный ответ: «Эх, сколько вещей обещают Ему за день, и ни одной не исполняют. Коли мы обещали ее Ему, найдётся другая или другой, которые этот обет исполняют».

Уже к осени 1993 года при моей тайной поддержке был развернут против Бориса первый мятеж. Толпы сооружали баррикады, штурмовали и запаливали правительственные здания, Верховный Совет – так именовался парламент – с гневом низложил Бориса. Казалось бы, все созрело для того, чтобы он уехал на санях, подобно легендарной у нас боярыне Морозовой, в свою уральскую деревню, но опять осечка: народ настолько измаялся от реформ, что не поддержал ни ту, ни другую сторону, а Борис дал приказ обстреливать парламент из танков. Парламент у нас никогда не уважали, один поэт еще при царе писал: *«Как на рубище заплаты, вдруг явились две палаты. Торжествуй же, храбрый росс! Только ведь один вопрос: будет ли ума палата? Это, кажется, сверх штата»*. Хотя танки вызывали нездоровые ассоциации, мятеж задохнулся, Борис остался на месте.

Чем больше я размышляю о значении событий октября 1993 года, согревая ладонями стакан «Солнцедара», тем очевиднее для меня важность кровопускания в малых и больших масштабах: выпускание пара из котла воздействует не только на современников, но и на потомков, укрепляет гены страха, столь необходимые для вершения политики. Прези-

дент воспользовался растерянностью и быстро ввел конституцию, по сути дела, даровавшую ему корону. Разогнанный парламент быстренько заменили на новый и послушный, назвали Думой, хотя Юрию Премудрейшему больше нравилось слово «вече», ближе к народу и демократичнее. К тому времени развелось множество партий, своего рода огромный конфетный набор с различными цветными обертками и одинаковой начинкой, короче, создалась совершенно новая политическая ситуация, которая, как ни парадоксально, не приблизила, а отодвинула претворение в жизнь решающего этапа «Голгофы». Как тут не припомнить слова Юрия Владимировича!

– Мне совершенно ясно, что в новом обществе решающую роль будет играть чиновничество. Ильич в свое время совершил ошибку, придумав «слом государственной машины», он просто не понимал природы бюрократии, готовой всегда служить любому строю. Поэтому следует исходить из того, что чиновничество почувствует вкус взяточничества и встанет над политическими партиями.

Я тогда еще задал вопрос:

– А нужны ли политические партии в новом государстве? Мы так удачно отучили народ от политики в СССР, что стоит ли возрождать этот говорливый и беспомощный институт? Да и парламент... Помните, ещё Маркс писал о «собрании старых баб»?

Учитель лишь грустно покачал головой.

– Целиком согласен, однако мы должны прилично выглядеть перед Западом. По крайней мере, на первых порах, когда весь наш капитализм будет зависеть от его помощи. Видимость политики следует сохранить... неудобно как-то...

Деликатный и честный все-таки был человек! Да, мой друг, после кровопускания 1993-го наступил очень странный, но тихий период, даже самые яростные крикуны призывали к всеобщему согласию (при этом обозначали свое желание войти в коалиционное правительство), шторм превратился в штиль, и извергающие лаву вулканы исчезли под водой. Время лечит. Апатия.

Что было делать мне, положившему жизнь исключительно на служение обществу, точнее, на его разогревание? Ах, Джованни, ты не можешь представить себе моего отчаяния, я хотел принять яд или пустить пулю в лоб, на дворе стояла сырая, безветренная, ничего не обещавшая погода, предпосылки для исполнения заветов Учителя улетучились, как запахи дешевого польского лосьона. Как писал наш поэт Лермонтов, «бл... не трогай, курв не щупай, ети их мать, тоска, тоска!»

Я не отвечал на телефонные звонки и пластом лежал на кровати, отказываясь от пищи и питья. Но однажды явился ко мне во сне Юрий Владимирович, одет он был в полосатую пижаму, выглядел по-домашнему, но глаза его горели неукротимым огнем. Он осторожно присел рядом на одеяло, боясь, как любой интеллигентный человек, замарать про-

стыню.

– Что с вами, Мисаил? Откуда эта хандра? Почему вы опустили руки? Разве вы не знаете, что нет крепостей, которыми не могут овладеть большевики? Вспомните, какое расстройство овладело Ильичом после провала революции пятого года! Но он взял себя в руки, Мисаил, и продолжал ковать общее дело, правда, за границей. Ну, а когда началась Первая империалистическая, разве не страшная тоска овладела им? Казалось, что все проиграно, ни одной свежей идеи не посетило его тогда, но свершилась Февральская, и он нашел в себе силы промчаться в вагоне через Германию на родину и выступить с Апрельскими тезисами! А как он добирался из Разлива в бушующий Петроград! Запомните, Мисаил, нас не сломит ничто: ни видимость народного счастья, ни тюрьмы, ни ссылки, ни болезни, ни смерть – извините меня! – всего человечества! За работу, товарищ, за работу!

– Но, Юрий Владимирович, нарушены все сроки, указанные вами, все затянулось безмерно!

– Ждите и терпите. История сама подскажет время. Зато какое ощущение счастья посетит вас после ожидания... Эх, помнится, самым изнурительным для меня было ожидание троллейбуса. Ждешь, ждешь, проходит час, и вдруг... идет один, другой, третий... четвертый... радость наполняет грудь! Так и у вас!

Меня немного поразил этот экскурс к троллейбусам, ибо Учитель последние десятилетия пользовался в основном ав-

томашинами, но сон есть сон, там могут быть и натяжки. И я снова взялся за работу, Джованни, нацелившись на президентские выборы летом 1996-го – парламентские меня не интересовали, этот орган после принятия новой Конституции обрел полную импотентность, а положение в стране можно обрисовать словами моего любимца князя Петра Вяземского: «Тут вор в звезде, монах в пиз... осёл в суде, дурак везде».

Своим политическим щупом я сразу начал обмеривать потенциалы гнева. Первые рейтинги показали растерянность и равнодушие народа, уставшего от всей свистопляски, но уже к середине 1995-го ненависть масс обрела прежние масштабы, этому способствовало полное равнодушие правительства к собственной популярности, оно постоянно рубило сук, на котором сидело, и не заботилось о собственном имидже. Феномен этот, Джованни, очень русский и совершенно неизученный. Какой правитель во Флоренции не заботился о своей славе? Наши же рыцари почти до 1996-го, когда пошел вал предвыборных обещаний, с народом совсем не заигрывали, наоборот, делали все, чтобы его от себя отвратить, а нелепые попытки слиться с толпой на церковных службах и маячить там со скорбно-плаксивыми лицами и свечами в руках (это транслировалось телевидением) не вызывали у населения ничего, кроме дикого хохота и непомерного раздражения.

План подготовки к последнему решающему (но свободно-

му!) бою проходил по трем направлениям с учетом исключительного долготерпения нации. Прежде всего экономическое: ликвидация производства, замораживание зарплаты, безработица, рост цен (все это при постоянной болтовне о благоприятных тенденциях в экономике и постепенном росте благосостояния), рост платы за квартиру, коммунальные услуги, телефон. Мои агенты взяли на вооружение изобретенную мною экономическую теорию: создать рынок для 2 % населения, а остальные вполне могут сосать лапу. Питание и пища только для 2 % – разве это не гениально? Думаешь, это экономически невозможно, Джованни? Разве не могут 2 % граждан обмениваться товарами и услугами, оставив за бортом остальных? Вспомни греков и римлян, создавших демократический строй, основанный на рабском труде, разве это не образец для подражания, друг мой? И я закрутил дальше экономические гайки, пытаясь преодолеть долготерпение народа.

Второе направление – политическое, то есть скобление кинжалом таких болезненных ран, как потеря статуса великой державы, игра на постоянных оскорблениях со стороны Запада, на вымаливании у него помощи, льющейся потоком в карманы упомянутых 2 %; миллионы беженцев из бывших республик, вопли русских из нагло прихваченных Украиной Крыма и Севастополя, страдания соотечественников в Казахстане, Прибалтике, на Кавказе. Я рассчитывал, что тут они начнут воздвигать баррикады, но оказался полным ду-

раком: никого это не колыхало! А ведь римские женщины, только прослышав, что издан закон, запрещающий им носить украшения, тут же в возмущении сбежали на Капитолий!

Тогда я взвыл от ярости и пошел на крайнюю меру: я развязал войну, причем не где-нибудь на Кубе, а в Чечне. Я рассчитывал, что война перекинется на всю страну, я думал, что кровь убитых юношей возмутит народ, и тогда мы легко пойдем на президентские выборы и выиграем их с подавляющим большинством. Опять попутал меня Ильич со своим перерастанием империалистической войны в гражданскую! Чтобы совсем озверели, я инспирировал беспрецедентные террористические акты в Буденновске, Кизляре и других местах, кровь лилась рекой, ненависть к нашим правителям росла пропорционально смертям молодых солдат, шарик раздувался, и я ожидал, когда он лопнет.

Третье – психологическое – направление моего плана предусматривало постоянное воздействие на мозги нации наших газетенок и телевидения. Причем выбирал я то, что погаже. Трансляция мордобитий в парламенте, обливания друг друга соком (Жириновский – Немцов), публичное вынесение на всеобщее обсуждение всяческих мерзостей, вроде сожительства дочки с папашей или совокупления педерастов с детьми. Иногда эту мерзость разбавляли псевдопатетикой вроде оптимистических рассуждений толстухи диссидентки о прелестях нынешней жизни, это совершенно запутывало мозги, особенно, когда она специально выпускала из

жирных щек крупные капли пота.

Вручение дорогих призов, конечно же, умопомрачительная реклама дольче вита, чтобы еще не подошедшая часть нации грызла губы от зависти и чувствовала себя полным дерьмом. Смакование разделанных на куски трупов, простреленных голов с мозгами, висевшими, как менструальная вата, на стенах. Наконец, голые прыщавые задницы; грустные, словно коровье вымя, сиськи; дрожащие вымученные фаллосы... О, Джованни, это был достойный психологический букет! Казалось бы, тут народ и заорет классическое: а ху-ху не хо-хо? Ан нет, дружище, наш великий народ спокойно скулил, жаловался и плевался. Спокойно.

И тут за год до президентских выборов 1996-го меня осенила грандиозная идея: а что если не платить им, гадам, вообще? Зачем вам деньги, дорогие трудящиеся и пенсионеры? Разве нельзя жить только духовной пищей, разве не завещали нам, что «не хлебом единым», разве нельзя жить вообще без хлеба и разве это не облагораживает душу? Золото – это грязь и кровь, это презренный металл, неслучайно Ильич обещал делать из него унитазаы.

Любая свежая идея вначале кажется экстраординарной, а потом превращается в банальность. Неплатежи зарплаты начались уже в 1995-м, плавно перешли в 1996-й, сопровождались пикетированием, забастовками, голодовками, самоубийствами – я ликовал, хотя кое-кто из советников подсказывал мне: бойтесь ПРИВЫКАНИЯ масс к неплатежам, это

приведет к тому, что платежи будут восприниматься не как должное, а как БЛАГОДЕЯНИЕ.

К апрелю 1996 года все кипели от злобы, и рейтинг Бориса так упал, что в его победу не верили даже его ярые сторонники. Я чувствовал себя на коне, все приводные ремни были в моих твердых руках, и впереди была только виктория. Итак, медленно и, возможно, назойливо мы подошли к кардинальному событию – президентским выборам в июне 1996 года. Но как хитер оказался лис-президент: взял и тяжело заболел. В другой стране его сразу бы отстранили от власти, но у нас народ добр и отзывчив, к больным относится с пониманием и любовью, прощает им все гадости, словно они уже покойники... Рейтинг Бориса сразу подскочил, некоторые избиратели даже начали посылать ему для усиленного питания кто вареную курицу, кто – килограмм яблок из собственного садика. Я призвал его на консквартиру и старался говорить доброжелательно, тщательно скрывая свое неудовольствие затыжкой «Голгофы» из-за его упрямства.

– Дорогой мой, я искренне вам сочувствую и желаю победы! – сказал я. – Однако, боюсь, что вы не выдержите гонки...

Он сразу встрепенулся, словно я кольнул его в одно место шпагой. И я продолжал, зная его дух противоречия:

– Однако, не вздумайте снимать свою кандидатуру, страна пойдет ко дну без вашего руководства! Пожалуйста, мобилируйтесь, принимайте лекарства – и в бой!

Он заулыбался от счастья, не поняв моего тайного замысла: я был убежден, что эти лекарства уничтожат его физически уже через две недели. Увы, страсть к власти одержала победу над недугом: до самых выборов он держался, словно на теннисном корте лет десять назад, он даже коряво плясал перед избирателями! Для того чтобы развеять его имидж, я направил по стране несколько его двойников: они что-то мычали с трибуны, хватались за сердце, бледнели и белели, кашляли и стонали на трибуне. Пустое дело! Не помогло. И это при том, что большинство уже забыло о том, как выглядят деньги, медикам платили унитазами, учителям – кастрюлями, стучали касками недовольные шахтеры, объявляли голодовку целые регионы и заживо сжигали себя инвалиды.

Неделю перед выборами я не спал: агенты с мест сообщали о неминуемом проигрыше Бориса, несмотря на его видимую активность вместе со всей семейкой, посылавшей счастливые улыбки в телевизор. Но – о судьба! – первый этап он выиграл, но физически так ослабел, что уже не мог появляться на публике. Я торжествовал, я завалил его противников миллионами долларов на избирательную кампанию, я организовал провокацию и заставил шефа его личной охраны генерала Коржака накрыть с поличным организаторов его кампании, он сделал это, и взял их под арест с миллионами долларов в коробках из-под ксерокса. Но деньги сыграли свою роль, а президент уволил генерала и иже с ним.

За день до выборов ко мне во сне явился Учитель, одет

он был, как Владимир Неистовый, спикующий с броневичка: в тройку с галстуком, пальцы по привычке Ильича спрятаны подмышками под жилетом. В руке он держал помятую кепчонку и улыбался.

– Вы молодец, Мисаил, – сказал Юрий Владимирович, – вы сделали все, что могли, вы сделали даже невозможное. Вы создали хаос, вы выгнали главного охранника президента и его сподвижников, одновременно скомпрометировав главных сторонников Бориса. Теперь я совершенно уверен, что он потерпит сокрушительный крах! Но меня беспокоит одно: коррупция в государстве стала обычным делом, как насморк. Это создаст трудности в будущем. Хотя... это детали. Главное – победа!

Я так устал от этой сумасшедшей работы, что тихо уснул в день выборов со счастливым ощущением человека, выполнившего свой долг и реализовавшего наконец план «Голгофы». Спал я несколько дней. Когда проснулся и двинулся в туалет для совершения утреннего ритуала, то неожиданно услышал сообщение по радио о победе президента. В очах моих помутилось, и я рухнул на кафельный пол, закричав так громко, что, говорят, на Миусской площади упала с каменной лошади фигура комиссара Левинсона, героя гражданской войны, придуманного писателем Фадеевым.

«Скорая» срочно отвезла меня в знаменитую цеховскую Центральную клиническую больницу, где лечились все сильные мира сего. Провалился я долго и даже написал в за-

вещании, чтобы на моей плите, разумеется, в Кремлевской стене, высекли слова Микеланджело в переводе нашего великого Тютчева: «Молчи, прошу, не смей меня будить. Не жить, не чувствовать – удел завидный... Отрадней спать, отрадней камнем быть». Если честно, Джованни, я предпочел бы нечто вроде Пушкина: «Ты просишь написать надгробную, Агафья? Ляг, ноги протяни, я буду эпитафья».

Победа Бориса обошлась ему дорого, и он лег на сложную операцию. Все это время правительство валяло дурака, изображая бурную деятельность, никто не верил, что он выживет, все спешили набивать карманы, прикидывая, в какую иностранную державу дать деру. К весне 1997 года почти безгласный президент неожиданно восстал из пепла и омолодил правительство, подставив под троечника премьера двух бойких молодцов: одного – рыжего, другого – кудрявого. Пошлись предложения и инициативы, заявления о прогрессе и грядущем благосостоянии. Видимость бурной деятельности на благо народа. Больше всего меня поразило, что Властолюбивый самолично заполнил декларацию о доходах, показывавшую его как средней руки пополана, который еле-еле наскреб деньги на автомобиль «Лада». Тут я с ужасом отметил, что страна уже привыкла жить без пенсий и зарплат, а самосожжения, голодные забастовки, самоубийства, не говоря о пикетах и демонстрациях, стали нормой, к которой все привыкли.

Учитель неоднократно говорил: «Власть всегда засасыва-

ет. Даже если захочешь вырваться на волю – не сможешь! Это причина всех революций». Ясно, что Бориса нужно было менять. Но на кого? Разумеется, всю операцию проводить под руководством КГБ (могут быть и другие названия), как повелось еще с тех пор, когда Феликс Эдмундович удачно организовал работу с беспризорниками.

– Органы безопасности, – неоднократно говорил Юрий Владимирович, – это мощный кулак, глаза и уши нашей партии, это истинные меченосцы, все остальные – буржуазная труха. Основная проблема в том, что руководители этой славной организации слишком рано отходят от дел по причине отстрела или преждевременной смерти. Однако я открыл закон, который внушает оптимизм: возраст отошедших в мир иной начальников нашей тайной полиции растет вместе с сознательностью населения. Дзержинский умер в 49, Менжинский – уже в 50, а я – аж в 70! Соответственно Ягоду расстреляли в 47, Ежова – в 45, Абакумова – в 48, а Берию аж в 54 года. Так что «мы живы, горит наша алая кровь огнем неистраченных сил!», этими словами американского поэта Уолтера Уитмена товарищ Сталин закончил свой доклад на съезде партии. Народ всегда обожал ЧК – ОГПУ – НКВД – КГБ, – продолжал Учитель, – рвался в агенты, активно сигнализировал о врагах народа!

Этого, дорогой Джованни, никогда не могли понять недруги нашей великой Родины, иностранные агенты, вечно жаждущие обнародовать списки чужих «агентов» (есте-

ственно, с грязными комментариями) или провести тотальную люстрацию всех партийцев и кагэбистов. Разве случайно почти все население голосовало подавляющим большинством за подполковника КГБ Владимира Путина? И не формально, а открытым сердцем и любящей душой! Не веришь, Джованни? Но я сам этому свидетель, и это не менее прекрасно, чем исполнение твоим любимым тенором Андреа Бочелли знаменитой «Аве Мария» над водами Арно во Флоренции!

Итак, Борис болел, но еще оставался при короне, но уже созревал ВВ, которого я пестовал с тех пор, как мой шеф Бухгалтер съездил в Дрезден, где бурно трудился ВВ. Как тонкий знаток живописи, он сопровождал своего тезку Владимира Александровича в Дрезденскую галерею и так красочно пояснил (и даже изобразил) картину Гвидо Рени «Пьющий Вах», что мало потреблявший Бухгалтер ночью выпил две бутылки шнапса, сетуя на напрасно прожитые годы. С тех пор я двигал ВВ в президентскую администрацию и ФСБ, однако делать его преемником Борис не хотел. Пришлось пугнуть, что любой другой президент упечет его с семьей в тюрьму, и силой вытащить на телевидение, где он отрекся от престола и даже слезно покаялся в грехах. О том, как мы с Коржаком сжимали пассатижами некоторые чувствительные места Бориса вовремя выступления, я расскажу тебе, Джованни, в другой раз.

Итак, ПОБЕДА! Началось царствование ВВ. В этот день

мой скромные «жигули» прямо на Рублевке внезапно поднялись в воздух, превратились в «чайку», прорезали серые тучи и вскоре остановились около помпезного здания, напоминавшего Большой театр. У шикарного портала меня встретил приятный человек (в нем я не сразу узнал секретаря Сталина Поскребышева) и провел в ложу бенуара, где мне навстречу поднялся Юрий Владимирович. Сияющий многочисленными орденами, в форме генерала армии, которую он никогда не носил, и отнюдь не из присущей ему скромности. Просто старый партиец не терпел КГБ и первоначально считал свое назначение Председателем началом заката партийной карьеры.

– Поздравляю с победой! Наконец всю операцию будет возглавлять выдающийся чекист! А вас, дорогой Мисаил, награждаю шестью сотками в Барвихе.

– Служу России, товарищ Председатель! – я вытянулся в стойке. – Но я работаю во имя Идеи и личной преданности вам! (Сам подумал, что Барвиху уже так застроили и загадили новые русские, что не продохнуть и к Москва-реке не пробиться).

– Однако вы классно провели акцию по устранению Елкина (откуда он узнал эту народную кличку Бориса?). Особенно мне понравилось, что во время его речи вы с Коржаком умело сжимали пассатижами его... эти самые (как известно, ЮВ не выносил непристойностей и даже краснел, когда КГБ называли «органами»). Вот что значит любовь личного

охранника!

– Но почему мы не в центральной ложе, Учитель? – удивился я.

Он слегка скривился:

– Да там Сталин, Хрущев, Брежнев, все члены политбюро, интриги, склоки, пьянка, мордобой... разве там отдохнешь? Ведь сегодня в оркестре в музыкантах Бах, Верди, Шостакович и другие гении, а дирижирует всем мой любимый Петр Ильич! Впрочем, это не помешает отметить нашу победу тут в закутке, по-домашнему: вот советское шампанское и плавленые сырки «Дружба», их я позаимствовал у друга семьи, величайшего артиста Шурика Ширвиндта.

Мы выпили и закусили сырками.

– Сейчас неплохо бы ирисок или хотя бы крабовых консервов «Chatka»... – вздохнул ЮВ, видимо, уже забывший о любимых сушках.

Я промолчал, не переться же за ирисками в Барвиху? Да и где их там найдешь среди торговых дворцов?

– Подведем итоги, – начал Учитель, – в общем и целом, наша «Голгофа» движется в правильном направлении. Мы умело и без особых потерь довели народ до ручки, и не вина марксистов-ленинцев в том, что он такой великий, такой непредсказуемый и такой выносливый. Где еще в мире так голодали, как в ленинградскую блокаду? Где еще в мире так бесстрашно бились с фашистами, под которых легла вся Европа? Да, народ у нас супертерпелив, французы в подобной

критической ситуации уже раза три попытались бы вернуть к власти беспощадного Робеспьера, а немцы уже сделали бы президентом самого Маркса, а премьером – Розу Люксембург.

Наша удача – это раскрутка буржуазных свобод, тут на панель вылезли шлюхи, пошли в ход наркотики, телевидение превратилось в пошлый цирк, где достойных людей превращали в дерьмо, а последнее – в гордость нации. Копание в чужих трусах стало обыденностью, мораль превратилась в разменную монету. Все это усугубили дурацкая многопартийная система, коррумпированная Дума, превращение золотого тельца в фетиш и единственную цель в жизни. В общем, об этом много писали классики, особенно Ильич.

Но вы, дорогой Мисаил, не уберегли наивного и неопытного Бориску от увлечения Западом, и дело зашло слишком глубоко. Конечно, и Михаил вещал о так называемых общечеловеческих ценностях, где же это сраное единое человечество? Помните анекдот о еврее, который сделал себе обрезание и вернулся домой к Саре весьма обозленный? «В чем дело, Хаим? Недоволен обрезанием?» – «Ах, Сара, не говори... Обещали обрезать, но чтобы так обкорнать?!»

Понимаете, Мисаил, многие призывают нас быстрее войти в Европу, а мне кажется, что уже давно Европа вошла в нас. И вообще непонятно, кто в кого вошел, это как, извините, в совокуплении мужчины и женщины (он закашлялся от смущения)... тоже ведь непонятно, кто в кого вошел. Рос-

сия забита иностранными товарами, русский язык превратился в полуграмотную смесь английского, кавказского, площадного и, конечно же, точек, значков @ и т. п. из Интернета, я чувствую себя звездным пришельцем на наших улицах и пугаюсь, когда мне мяукают «Вау!». По дорогам колесят иностранные машины, на Арбате почему-то празднуют День святого Патрика, на месте русских заведений – английские пабы или некие кофе-хаусы, вместо игры в городки или салочки – боулинги и гольф-площадки.

Но главное в том, что наши элиты так сплелись с Западом, что атомной бомбой не разорвать. Каждый по возможности подкупил квартиру, виллу, а то и замок на Лазурном берегу или на Сардинии, положил валюту в иностранные банки, для страховки взял иностранное гражданство или, на худой конец, вид на жительство, на что это похоже, Мисаил? (Тут Председатель для успокоения сделал большой глоток лучшего в мире советского шампанского.)

– Даже в космополитическом Париже стараются избегать чужих языков! – вставил я.

– Ну, а детишки элиты разве собираются трудиться в России? Они почти все сматываются в Гарварды и Оксфорды на денежки своих пап. А наша несистемная оппозиция? Она целиком копирует нас, большевиков, правда, перенеся свои центры управления не в Женеву и на Капри, а в Вашингтон и Лондон. Если Ильич стыдился даже упоминания о германских деньгах, то оппозиция открыто вещает с Капитолийско-

го холма, контролирует нашу науку с помощью агента ЦРУ Сороса, а внутри страны образовала своего рода «легальные центры» вроде «Эха Москвы» или «Дождя».

– Может быть, стоит использовать опыт наркома Ежова? – осторожно спросил я.

– Это уже не поможет! Просто удивительно, как мы ухитрились уехать совсем в другую сторону, в корне исказив задачи плана «Голгофа»! Нет, Мисаил, тут нам поможет только Запад, а для этого мы должны изрядно ему нагадить... Запад должен вознегодовать и поддать нам жару, тогда народ живо осознает, что выход только в повороте к сияющим высотам коммунизма. Только не надо таких дешевых штучек, как гитлеровский поджог рейхстага или убийство Левушки Троцкого и иже с ним.

Помнится, в детстве среди дворовых хулиганов самым успешным был один парень, который делал страшную морду и орал: «Я психованный!», положите этот принцип в основу своих акций. Действуйте, батенька! Но сначала надо отметить нашу победу, значительное продвижение плана «Голгофа» и воцарение крепкого чекиста! Поэтому прошу вас хорошенько отдохнуть, порадоваться жизни, продумать заодно дальнейшие действия. Отдыхайте, друг мой, отдыхайте! А теперь, извините, у меня время стула. – Юрий Владимирович тяжело вздохнул и вылетел из ложи бенуара.

Мой уставший мозг подсказывал, что следует на время отвлечься от повседневных баталий, прийти в себя и проду-

мать дальнейшие шаги. И тогда я вспомнил о твоём «Декамероне», друг Джованни. А что если исчезнуть на время, подобно твоим юношам и их спутницам, бежавшим из объятай чумой Флоренции? Но под каким прикрытием? В какой компании?

Признаюсь, что я обожаю своих шпионов и гетер, или, по-интеллигентному, разведчиков и путан, так почему же не предаться радости взаимного общения? *Utile dulci* – смешать полезное с приятным, как говаривал великий Гораций, создать искусную легенду, великолепный фасад, за которым монтировать окончательную развязку «Голгофы».

Так пришла в голову идея собрать славный шпионский на-родец (включая, естественно, соблазнительных агентесс) на волжском пароходе, прикрыв все каким-нибудь семинаром или симпозиумом.

Обожаю шпионов, мой друг! Деликатные шаги сыщиков, вынюхивающих дичь, комбинации и вербовки, пред которыми бледнеют все изыски на шахматной доске, пылкость соблазнительей и соблазнительниц, управляемую ледяной головой и чистыми руками, скупые фразы пароля, звучные, словно треск расколотого черепа, мягкость потертых купюр, сунутых в потную руку на черной лестнице, – как я люблю это, Джованни! Конечно, хватает насмешников, измыывающихся над второй древнейшей профессией, вспомним Грэма Грина из Альбиона, гнусно написавшего, что разведка – это большое турагентство.

А путаны... о Боже! Хотя я и небольшого роста, но остальными достоинствами меня Господь не обидел. По своим данным я не меньше Чарли Чаплина, легко срывавшего цветки у нимфеток, и не одна моя дама повторяла слова великой певицы Марии Каллас о магнате Аристотеле Онасисе. «В постели он заставлял меня брать самые верхние до!» Нет у меня комплексов Гитлера или Наполеона, мучившихся из-за своих микроскопических орудий производства. Особенно обожаю изящных и нежных, с маленькими пипочками, доводящими до сумасшествия. Боготворю утопающих в оргазмах клиторальных, вагинальных, маточных, мышечных, тантрических и таоистских!

Мне ли тебе, мессер, рассказывать о превратностях любви! Вспомни свою Перонеллу, которая по приходе мужа запрятала своего любовника в винную бочку и убедила супругу, что продала ее человеку, который влез в нее, чтобы проверить, крепка ли она, а потом любовник еще заставил мужа выскоблить бочку и отнести к нему домой! Или куму брата Ринальди, уверившую мужа, который застал их в одной постели, что монах заговаривал глисты у своего крестника!

О своих невероятных приключениях на корабле через несколько месяцев после президентских выборов я и хочу тебе поведать, и о том, как мы славно развлекались десять дней, рассказывая шпионско-любовные новеллы, венчая сладостные вечера несравненными балладами.

Прими же сей роман как мой скромный дар и, чтобы не

быть слишком строгим в оценках, сверни голову у «Синглтона из Очройска» – уверен, что в райских куцах этот волшебный напиток до моего прибытия еще не стал дефицитным. В конце концов, все остальное – карьера, слава, деньги – лишь мусор и песок, песок и мусор, мой друг.

Кроме любви.

День первый

*В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль – и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей.*

Шарль Бодлер

Провинциальные агенты хотя и простоваты, но намного эффективнее агентов столичных, избалованных слишком теплым обращением, обильными закусонами и солидными подачками. Вот и Марфуша, старый агент еще Горьковского

управления КГБ, работала в блеске и находчиво, не дисквалифицировалась, как многие после перестройки, не сдрейфила, когда в печати появились призывы вывести на чистую воду всех осведомителей режима, политика ей была до фени, и она с искренним усердием продолжала служить Отчизне. Марфуша обслуживала волжское судно гэдээровского производства, перевозившее иностранных туристов, которым не терпелось вырваться из своих кучных европейских мест на необъятные просторы и надорвать горло национальной песней «Волга-Волга, муттер Волга».

Марфушенька функционировала в качестве уборщицы, совмещая этот пост с должностью кастелянши, эта невысокая должность позволяла осуществлять за подопечными круглосуточный контроль. Одно время ей поручали даже такое ответственное дело, как соблазнение иностранцев, что она делала без особого удовольствия: скучны и одинаковы, как вся заграница, скованы в сексуальных играх, потенцией не блещут, к тому же до отвратительности чисты.

Эта жуткая стерильность шла резким контрастом по отношению к ее мужу Василию, продавцу гастронома, грозе гражданок всех возрастов города Горького, ныне Нижнего Новгорода, любившего после литра-двух сначала хорошенько наподдать Марфуше, а потом предаться любовным утехам, которым не было ни конца, ни края. К тому же брить волосатые подмышки он считал зазорным, и они воняли, как в добротном хлеву, зубы он не чистил, и изо рта его всегда

несло перегаром. Как истинно русская женщина, она любила своего алкоголика искренне и нежно, летом всегда сходила к нему на берег во время стоянок, а когда кончался сезон, притягивала домой столько обожаемой им черной икры и прочего дефицита, что хватало до следующего сезона.

Теплоход, арендованный мной для декамерона-десятидневки, именовался «ЛЕНИН», провинция у нас в отличие от столицы консервативна, Джованни, не успевает за политической модой, менять и меняться не любит и одинаково чтит и святого Сергия Радонежского, и чекиста Нахимсона, утопившего в крови ярославский мятеж. Расположился я в люксе с просторной гостиной (мягкие кресла и бар, а что еще нужно на отдыхе?), там и телевизор, и радиоприемник – черт побери, не отрываться же полностью от быстротекущих дел политики! Прямо под моей нестандартно широкой койкой и таились портативный компьютер с банком данных и швейцарская шифровальная машина, обеспечивавшая срочную связь с ценной агентурой, информировавшей меня о всех тайных поворотах и даже мыслях некоторых ключевых лиц нашего и других государств. Вся эта техника была заделана в стальной сейф со сверхсложным шифровальным замком, его специально закамуфлировали под обогреватель и припаяли к полу. Пожалуй, Джованни, легче было бы снести колокольню Джотто во Флоренции, чем оторвать от пола эту хитрую штуку.

В день моего прибытия на судно Марфуша вкрадчиво по-

стучалась в мой люкс, для легенды на весь коридор занудным голосом попросила разрешения на уборку, протиснула сквозь двери свой необъятный зад – таких поп, Джованни, у вас в Италии не было и не будет. Такие вообще не могут родиться в стране макарон, тут, брат, главный фактор – это вековое пристрастие к картошке, салу и меду. Марфуша повернула за собою ключ и обстоятельно уселась напротив, сдвинув колени, словно я с первых же секунд вырву из ножен меч и вонжу шпоры в бока своего скакуна. С широкими татарскими скулами, без всяких макияжей, с бледноватым лицом, оттенявшим крупные полные губы, и глубокими, как чертов омут, карими глазами. В джинсовой робе с ляжками, перетянутыми крест накрест на груди, огромный улыбочивый мешок, волшебное соединение необъятной задницы, перераставшей в шею страуса, соседство муравья и солнца. Марфуша – главные ОКО и УХО на корабле, надежда и оплот.

Явление красавицы внесло в мою плоть мощный энергетический заряд, я даже вздрогнул, словно одним махом опустился на ежа. Сердце мое учащенно билось, и руки ходили ходуном, когда я вылезал из своих фильдеперсовых кальсон. Замечу между прочим, что еще в Сызрани приучился носить их круглый год и не жалею: даже в жару от них исходит только свежесть. Первый оперативный контакт продолжался не более часа, потом я закурил сигарку (предпочитаю «Villiger» в серебряной фольге, они легки, как крылья бабочки) и продолжил работу.

Для начала, Джованни, позволь мне представить дам и кавалеров, составивших мне компанию на «ЛЕНИНЕ», сливки общества, так сказать, la creme de la creme, людей в высшей степени достойных и из разных стран, что для нас с тобой, граждан мира и интернационалистов, не играет ровно никакой роли. Конечно, печалит меня необходимость конспирации, иначе я не поспешил бы на краски и создал портреты, по сочности не уступающие твоим землякам, Джованни, – Чимабуэ или сыну цирюльника и хирурга Паоло Учелло, которого ты, увы, не застал из-за своей кончины. Поэтому я вынужден рисовать своих братьев и сестер по плащу и кинжалу туманным пунктиром, свойственным моей профессии (в твоё время за такую живопись били физиономии), словно я, прости меня, какой-нибудь импрессионист или, упаси Бог, пуантилист. Тем не менее каюты моей агентуры Марфуша обыскала весьма тщательно – «довырай, но провырай», как говаривал президент Рейган. Его у нас высмеивали: *«Зачем ты прешься в Никарагуа и Кубу? Зачем ты в холод с нищеты сдираешь шубу? Войну жестокую затеял с коммунизмом? Уж лучше б занимался онанизмом!»*

Итак, Сова, Дятел, Грач, Курица, Тетерев, Орел, Сорока и Гусь. Милые птички, мои Демосфены, услаждавшие слух. Штрихи биографий, *circiculum vitae*.

СОВА – бухгалтер в моем ведомстве, педантична и строга – круглые бесстрастные глаза и окаймляющие их черные брови, небольшие усики, общая неподвижность, не хватает

пенсне, как у Берии, но характер покладистый и не вредный. Кстати, это женщина. На дне чемодана обнаружены один презерватив «Баковка» 1980 г. выпуска и четыре флакона жидкости для выведения волос.

ДЯТЕЛ – из наших, длинный красноватый нос, покатая спина, плавно переходящая в бугристый зад, если двигаться от толстых ляжек в обратную сторону к животу, то снизу это существо напоминает воздушный шарик с клапаном, перевязанным желтой ниточкой. Раньше трудился в нашем ведомстве, но был уволен, как ни смешно, за усердие: обожал всех закладывать, чем создавал неприятные проблемы для начальства. Кому нужны разоблачения, за которые жестоко стегали в инстанциях? Однажды он залез в сейф своего начальника, который тот ему по глупости доверил, и увидел там целый клад ювелирных вещей. Начальника уволили, а вместе с ним и усердного Дятла. Меня он тоже закладывал много раз по разным мелочам, но я его не отметал от себя: уж лучше хорошо известный тебе подлец, чем *terra incognita*, которая окажется подлецом. Однако Дятел был человеком идейным, чтит золотого тельца и ненавидел изменников, в число которых зачислял всех. Полезное качество. Страдал геморроем (данные Марфуши, нюхавшей простыни).

КУРИЦА – бывшая МХАТовица и потому неуловима в своих обликах и образах: то трясет задком, то нахальничает, то жеманничает, любвеобильна – и тогда вся в пухе и перьях, словно петух распорол ее клювом, как перину, зада-

ния выполняет пунктуально и пишет выразительные отчеты. Использовалась успешно по западным послам, одного дурака даже завербовала. Везла с собой целый чемодан обуви – единственная слабость кроме бесконечных факировок на ходу и на лету. Страдала, бедняга, подагрой, аристократической болезнью, которой гордилась.

ГРАЧ – наш агент во французской разведке. Сама невзрачность и невидимость, живая инкарнация секретной службы, незаменим в наружном наблюдении, низкорослый, нечленораздельный, узколобый, с черной прической, надвинутой через отсутствие лба прямо на брови, многоречив, и, слушая его, хочется удавиться и умчаться от этой инкарнации. Все время ощущение, что он прокручивает пленку о самом себе, но в замедленном до предела ритме, словно сознательно изматывает нервы. В чемодане – большой набор одеколонов и початая бутылка водки «Смирновская», искусственная вагина (дико боится СПИДа, кстати, от него потом и умрет). Рассказывая об этом, Марфуша чуть покраснела (актрисой она была бесподобной и запросто рыдала, особенно, когда выпрашивала повышенное денежное вознаграждение) и показала отклеенный от резиновой балды листочек бумаги со стихами: «Что стало с этим чистым лбом? Где медь волос? Где брови-стрелы? Где взгляд, который жег огнем, сражая насмерть самых смелых?» Загадочно, поскольку, по моим данным, Грач был полным импотентом.

ТЕТЕРЕВ – наш надежный агент у англичан, причём

большая шишка в английской разведке СИС, оптимист, но не дурак (но не потому, что оптимист, а от рождения), постоянно радостен, обаятелен, болтлив и быстро засыпает, приняв стакан. Обычно прекрасно использовался в провокациях: добродушие внушает доверие. Везет с собой грелку и клизму. Покрывает охотно всех и вся, но страдает от мгновенного оргазма.

ОРЕЛ – наш человек в ЦРУ. Высок, худ, с огромной лысиной, которую укутывает остатками волос, словно любимое дитя, напоминает то ли графа, то ли актера, играющего графа, зато находчив и исполнительен, безумно популярен у женщин, иногда хорош в операциях по их привлечению к сотрудничеству. В чемодане около десяти видов бальзамов для волос. Иногда на него нападает артрит, как он считает, от умственной переработки.

СОРОКА – из наших, начитанна, хотя понимает только половину и ничего не помнит, сумбурна, забывчива, легкомысленна, однако в решающие минуты собрана и способна заклевать даже льва. Хороша для дезинформации, которую приносит на своем черно-белом трепещущем хвосте. Между прочим, прекрасная рассказчица, Джованни, не хуже твоей Пампинеи, которая ах, поиграв в шашки и шахматы, ах, предавшись музыке, ах, освежив лицо, ах, у фонтана, рассказывала ах, как томно о конюхе, спавшем с женой ах, короля Агилульфа. В чемодане обнаружен дилдо, тщательно замаскированный в белье. Марфуша так и не догадалась о назна-

чении предмета, о святая простота! О sancta simplicitas!

ГУСЬ – наш агент у немцев. Старый пижон, хитрейший мужик, стриженный бобром, привержен к коньяку, куреву, перочинным ножам и кольтам не меньше, чем к длинноногим профурсеткам. Может днями болтаться в магазинах, примеривая пиджаки от Остин Рида и рубашки от Кардена, рассматривая итальянскую обувь и особенно галстуки, на коих помешан. Агент высокой надежности, совершенно не пьянеет и этим опасен. Везет с собой электромашинку для стрижки волос фирмы «Филипс», зачитанные порножурналы с неясными липкими пятнами.

Наверное, мои характеристики слишком язвительны, но, поверь, в этой горчице больше любви, чем у Отелло, придумавшего Дездемону с уверениями в страсти величиной в сорок тысяч братьев!

Выдавали мы себя за группу ученых-орнитологов (последнее словечко на судне никто не знал), собравшихся на небольшой международный симпозиум в целях прогресса в этой отрасли науки. Такая дивная шпионская компашка собралась на славном «ЛЕНИНЕ», название постоянно напоминало мне о необходимости трудиться во имя светлого будущего.

Взойдя начальственно на корабль, я первым делом посетовал бар, которым ведал бывший прыгун в длину, тощий и желтый, как осенний лист, бармен Митя. К человечеству это дитя нарпита относилось с презрением («лишь открою

бар, а они, как мартышки из вольера, мчатся к стойке»), с ценами на спиртное Митя обращался легко и варьировал ими в зависимости от своего настроения и степени надратости клиента. В репертуаре бара блистали коктейли «Агония перестройки», «Поцелуй Ельцина», модный «Черный русский» (то ли российский негр, то ли погрязший в темных делах соотечественник) и специально для нас, асов шпионажа, коктейль «Мечта Джеймса Бонда» (половина водки, половина вустерского соуса – гремучая смесь!).

Но особой популярностью пользовался коктейль «Кровавый Петя, папа Мэри», названный так в честь некоего Питера, американца из Северной Каролины, который оказался хроническим алкоголиком и наркоманом, кутил ночами, любил писать на палубе, падал пару раз в воду и вынудил капитана создать специальную группу, опекавшую буйного Петю, которого в конце концов препроводили в психиатрическую больницу в Ульяновске, так и не переименованном в Симбирск. Коктейль самым приятным образом совпадал с моим новым именем, и тут, наверное, стоит нарисовать и собственный портрет. Джованни, так и тянет прибить к стене холст, взгромоздиться на стремянку (не знаю, как это сооружение звучит по-итальянски) и талантливой кистью... но нет! Учитель всегда призывал к скромности в личной жизни, всегда равнялся на Владимира Неистового, жившего в шалаше, и даже на Иосифа Грозного, обходившегося железной койкой, сапогами и портянками.

Твой покорный слуга выступал как скромный доктор биологии Петя Лосев, ничего умнее я не придумал, но и это не так плохо, гораздо лучше, чем, например, гинеколог, которым я однажды прикидывался и чуть не погиб от ласк женщин. Увы, не было у меня на голове лаврового венка, как у тебя, Джованни (зачем ты напялил этот веник?), не взирал я кротко, как ты со старинной итальянской гравюры в вензелях, словно не автор фривольного шедевра, а кастрированный философ Абеляр, и взгляд мой был не столь грустен, как у тебя, наоборот, он игрив и чуть скептичен, и голова не клонила поэтически в сторону, словно ее раскачивали или отвинчивали, и не сжимал я нарочито огромный фолиант. И вообще, если бы писал меня великий художник (пока еще не наступило время, хотя уверен, что никто не пройдет мимо центральной фигуры российской истории XX и XXI веков), то наверняка бы заметил: «Всего в меру!» Да, всего в меру. Правда, ростом не вышел, но зато...

Куски биографии. Вырос в простой семье сельских учителей-коммунистов, детей революции, переживших и Октябрьскую, и Гражданскую, и две кровавые мировые войны. Скромный домик, почитаемый всеми селянами, книги Маркса, Ленина, Ушинского и Макаренко, внушавшие трепет Брокгауз и Эфрон, толстые тома Даля и, конечно же, вся русская и советская классика. В родительской спальне, куда вход возбранялся без разрешения отца, висела брюлловская копия «Пленного Купидона» Франсуа Буше, написанного

для будуара мадам де Помпадур: словно сотканные из облаков, светящиеся изнутри бледным огнем три прекрасные Грации стыдливо и дразняще возлежали среди диких роз, любуясь беспечным младенцем. Это картина, которой я тайно часто любовался, воздействовала на мою мальчишескую жизнь, я подолгу разглядывал томящуюся от желания Талию. Ее красноватый сосок, терявшийся в изгибе круглого локтя, волновал меня до дрожащего тумана в голове, до мучительных снов, и потом, уже в Сызрани и в подмосковной разведшколе, она являлась ко мне, поднявшись с усеянной розами земли, и прижимала к груди, и награждала поцелуем, и я просыпался в мокром ознобе – о, юность моя! Мираж! Навеки ушедшая *fata morgana*!

Перед самой войной отца бросили на повышение в горно Тамбова, потом он ушел на фронт, а мы с мамой, чтобы не умереть с голода, рисовали бусы: совали кисточки в стеклянные кругляшки, получалось красиво и хорошо сбывалось. В седьмом классе избрали комсоргом, человеком я был серьезным, умел организовать людей, неплохо знал международные отношения, изучив «Историю дипломатии» под редакцией академика Тарле – трехтомник красовался в отцовской библиотеке. В десятом съездил на целину, отличился на тракторе, получил грамоту ЦК комсомола. Служба в армии, Сызрань, перспектива летной карьеры, прерванная поступлением в органы. Первая встреча с будущей женой: праздновали Новый год, проснулся в чужой кровати, поднял но-

гу и легко стукнул по грязноватой лампочке, свисавшей над нами, – лампочка грустно закачалась. Я смотрел, и мне это было интереснее всего. Она заплакала, а я все смотрел и не обращал на нее внимания. Через несколько лет развелись. Больше не женился, пробавлялся быстротекущим, пришел к выводу, что брак мешает работе и вредит Делу. Уже в разведке получил скромную двухкомнатную квартирку на Миусской. Обшарпанная тахта-ладья, на которой были счастливы почти все мои друзья и подруги, расшатанный письменный стол, очень удобный, если на него посадить женщину средних размеров, большое кожаное кресло, в котором хорошо сидится двоим. Тончайшая деталь обстановки – маленький бюст Афродиты, временами я самолично мыл богиню в тазике с теплой водой, купал, изнемогая от наслаждения, живые не доставляли мне столько радости.

Одна комната была целиком в застекленных полках с классиками, оттуда выглядывал фотомонтаж мадам Тэтчер, пардон, с мужским орудием, уныло свисавшим из области живота; бюстик (почему я их люблю?) маршала Жоффра, героя Первой мировой, которого пытается мне тировать некий тип со штангой в другой руке; там же вполне благопристойный мальчик Писс из Брюсселя, безликая веджвудская вазочка из Лондона и пепельница с видом Иерусалима, афинская амфора с бурно соединяющимися греческими молодцами. Кристалл с австро-венгерским императором Францем Иосифом на вздыбленном коне из Вены (тут любая со-

зерцательница начинала рыскать глазами в поисках фаллоса то ли у коня, то ли у Франца Иосифа), синий бокал с вензелями из венецианского стекла, из которого я грубовато хлестал водку в праздник Революции, сидя за письменным столом, где красовалась настольная медаль в честь 60-летия ВЧК-КГБ, лично врученная мне Юрием Владимировичем. Пожалуй, все, воздержимся от других деталей.

Итак, после утреннего доклада Марфуши я несколько притомился, прилег на диван и раскрыл книгу Сальвадора Дали «Дневник одного гения». Должен разочаровать любителей ассоциативного мышления: гением я себя не считал (хотя им, наверное, и был – ведь ни один великий при жизни не осознает своего величия, зато пустышки распухают от собственной важности), а книгу получил совершенно случайно в день отплытия из рук прекрасной темно-рыжей дамы.

Небольшой прыжок в прошлое: все началось год назад в петербургской клинической больнице имени В.Г. Соколова, куда я подзалетел из-за... распространяться о болезнях не будем. Однако уверяю тебя, Джованни, что это был не *syphilis*, превращавший в твоё время людей в зловонные скелеты, а ныне излечиваемый двумя уколами в место чуть пониже спины, и не подобные ему болезншки, а нечто возрастное и благородное, вроде подагры и геморроя.

Звали её Роза, и познакомился я с ней на квартире своего коллеги, коренного ленинградца Павла Батова, к которому

я завалился однажды вечером покайфовать под джазовую музыку. Паша жил в гостиной дома то ли графа Юсупова, то ли графа Разумовского, прихваченного ослепительным народом после революции. Тогда жилище богатея превратили в коммуналки, позднее из гостиной с резным деревянным потолком, мраморным камином и шпалерами на стенах Батов сделал двухкомнатную квартиру и даже, пользуясь восьмиметровой высотой потолка, соорудил на кухне второй этаж со спальней для пьянчуг-гостей. Роза, худая, с толстой рыжей косой, появилась случайно с подругой, постоянно облизывающей полные губы (только этим и запомнилась), и доводилась Батову сестрой. Они даже походили друг на друга своими кривыми носами, потом мне это очень мешало: все время казалось, что я покрываю поцелуями своего приятеля, и от этого секс-атака захлебывалась. Да! Худющая! Рыжая!

Не знаю, как выглядели в жизни Беатриче Данте или Лаура Петрарки, но портреты их, которые я имел счастье видеть, Джованни, вызывали у меня лишь отвращение, к таким экземплярам я никогда не прикоснулся бы, даже находясь на голодном пайке в Сызрани. Так что у каждого времени свои вкусы. К тому же закончила она Ленинградский государственный университет и защитила в аспирантуре диссертацию «Монахи Боккаччо как предвестники Реформации». Что? Задрожал от любопытства, мой мессер? Проникся пietetом? Как мы тщеславны даже в райских кущах! Только позднее я разглядел, что Роза прекрасна: ослепительная бе-

лозубая улыбка во все белое лицо, покрытое веснушками – уделом рыжих, солнечный пух на щеках, мягкий и щекочущий, жадные худые руки, большая родинка на шее, ближе к груди (между прочим, лифчика не носила, и сквозь прозрачную блузку темнели чуть дрожащие соски, окаймленные рыжими порослями), фигура – удлинённая, костлявая, изломанная, ассиметричная, как на картинах Пикассо. (Уже мои штаны надулись, друг Джованни!)

Умеренно выпили коктейль «драй мартини» (один мой приятель называл эту смесь джина и мартини бабоукладчиком), Батов сел за пианино «Беккер» и виртуозно заиграл Брубeka, что-то медленное и ритмичное – в этом пире звуков хотелось раствориться навсегда, и я пригласил на танец Розу, божественную во всей ее рыжине. Танцевал спокойно, словно поедал свою утреннюю глазунью, но вдруг ударило. Слово прожгло насквозь, хотя рыжих я не переносил, и все потому, что в молодости одна рыжая, клявшаяся мне в любви, сперла у меня из бара бутылку куантро. Причем обнаружил я это после того, как отправил ее домой на такси и дал на дорогу один рубль, больше я себе не позволял из принципа. Ударило – и прошло, пролетело стремительно, как скоростной экспресс. Остались лишь ощущение худых, длинных рук, лежавших на моих плечах, и острые запахи мускусного ореха, бесспорно, это был одеколон «Muske», редкий в наших краях, флакончики с ним, завинченные деревянной крышечкой, я встречал лишь на Ямайке и на Гаити, когда выезжал туда

для переворотов. Дамы покинули нас к полночи, провожать, к счастью, не просили, и я остался ночевать у Паши. Долго не мог заснуть, в голову назойливо лезло: *«Под пирамидой у Хеопса священный бык с коровой е...ся. Представляю, что за вид открывался с пирамид»*. Почему Хеопса? Остальное понятно.

На следующее утро – температура сорок, жар, рвота и прочие гадости, срочная транспортировка в упомянутую клиническую больницу, паника, толпы врачей, сотни диагнозов, и ни одного точного. Несколько дней лежал в бреду, потом пришел в себя. И вдруг: визит Розы! С приветом от брата, с тапочками на белой коже и чистыми трусами, словно она досконально знала состояние моего белья, с кипой газет, с килограммом яблок «симеренко» (между прочим, мой любимый сорт, но об этом не знали ни Батов, ни Роза) и двумя бутылками боржоми.

И не успел я удивиться, как неожиданно для себя очутился с ней под одним одеялом, причем вышло все само собой и вопреки всякой логике: в разгар обхода врачей и при открытой двери. Ведь в наших больницах, Джованни, любые запоры на дверях запрещены то ли из опасения, что тогда не пробиться к охваченному кризисом больному, то ли во имя поддержания высокой нравственности нянечек. Как бы то ни было, но я ощутил сладость, представляя удивленные морды внезапно вошедших эскулапов, она передалась в подбрюшье, и я не спешил, растягивая удовольствие и краем глаза кося

на чертову дверь, словно призывая ее отвориться. Не буду подробно описывать эту вакханалию, но, ей-богу, моя рыжая дама не походила на твою мадонну Беритолу, найденную на одном острове с двумя ланями, моя рыжая давно бы их загрызла, ибо темпераментом обладала необузданным до крайности. Наслышан, мой досточтимый мессер, о твоих проделках при неаполитанском дворе (не касаюсь твоей возлюбленной Фьяметты), но не уверен, встречал ли ты подобную даму. Орала она пронзительно, словно десять тысяч голодных ослов, вопила во весь голос – даже оконные стекла запели в тон. Перепонки мои лопались от визга, но это только подогревало градус, хотя удивление вызывало немалое.

– Что с тобой? – спросил я (очевидно, жарким шёпотом, приличествующим моменту).

– Я невинна... – промолвила она.

Я чуть не пёрнул от удивления – так вот почему у нее кося! И это в тридцать! И это при том, что твои флорентийки теряли свой цветок уже в десять! Я был настолько поражен, что остановил Ringestechen – метание копья в кольцо, как говорили в твое время германцы. Пока она приводила себя в порядок, я бродил рассеянным взором по сияющим разноцветными пятнами простыням, с ужасом думая о реакции нянечек. Может, она жаждет, словно в еще феодальной Испании, вывесить из окна окровавленную простыню, чтобы собравшаяся толпа радостно орала: «Virgen la tenemos!» – «Мы считаем ее девственницей!» А далее – под венец! Бо-

же, никогда! Ушла она поспешно, даже не попрощавшись, оставив у меня чувство легкой досады, и с тех пор ни ее, ни брата я не встречал и, признаться, не шибко интересовался их судьбами.

И вот встреча на Бережковской набережной, порывы ветра, бумажки, летевшие под ноги, пыль в лицо, гудение машин. Я двигался в отель «Президент», последнее время от переработок меня беспокоила одышка, и я использовал любой случай для променада. Думал о путешествии на «ЛЕНИНЕ», отплывавшем завтра, и о встрече с Марфушей, которую почему-то представлял как транссексуалку. И вдруг:

– Как я рада вас видеть! Я часто вспоминаю вас...

Боже, Роза собственной персоной, сверкающая рыжиной и белыми зубами, чуть покрытыми желтым камнем. Сколько мы не виделись? Больше года. Не знаю почему, но смутился я неимоверно, даже почувствовал, что порозовел, а тут припомнил ее индейские вопли, окаменел, губы высохли от жары и... стыдно, Джованни, но если бы я носил гульфик, то он не выдержал бы под напором чувств. Я чуть согнулся, образовав угол, столь необходимый в этой неудобной ситуации. Выглядел я, наверное, полным идиотом, какое счастье, что никогда не видел меня таким Юрий Владимирович, иначе не то что к «Голгофе» – к чистке своих «сорокоходов» не допустил бы! Порылась в сумочке, мотнула своим кривоватым носом и достала книжку Сальвадора Дали.

– Это вам на память, в ней есть нечто волшебное... оно

сделает вас лучше... не отказывайтесь.

И убежала, суматошная баба. Ни телефона, ни других координат. Почему приходила в больницу? Зачем? На кой бес мне эта книга? Открыл и перелистал сумасшедшего художника.

*«На празднике он хочет создать диапазон музыкально-лирических шумов за счет истязания, кастрации и умерщвления 558 свиней на звуковом фоне 300 мотоциклов с включенными двигателями, не забывая при этом от-
дать дань уважения таким ретроспективным приемам, как процессия органов, заполненных привязанными к клавиатуре кошками, дабы их раздраженное мяуканье смешивалось с божественной музыкой Падре Витториа, что практиковал в свой время еще Филипп II Испанский».* Ну и ну. Что же такое? Явно мужик припадочный, хотя и талант, большой был мастер по части трюков. В книге масса репродукций его безумных шедевров вроде «Духа Вермеера в роли стола», там некий скелет в юбочке вытянул горизонтально фантастически удлиненное бедро, на которое поставлена бутылка с рюмкой. Все очень экзотично, черт побери!

Зачем она подарила книгу? А вдруг это игра Судьбы? Руки мои покрылись потом – так бывало иногда в минуты сильнейшего душевного напряжения. Почему я думаю об этой рыжей шлюхе, не вызывавшей у меня никаких серьезных чувств? Какая к черту Судьба, просто идиотский коитус на больничной койке, внезапный и потому острый, как чилийский пе-

рец. Желтый камень на зубах, длинные, как у орангутанга, худые руки, костлявые пальцы, прямо скажем, весьма искусственные в делах любви. И что? Коса, соски, веснушки. «Всё, что глупую бабой звалось, а он ее звал королевою роз, впрочем, как ты и я», «я невинна», тоже мне орлеанская девственница. Шлюха.

...Теплоход уже мирно плыл, появился первый шлюз, построенный сталинскими заключенными, добротный, как и все, созданное рабами. Надеюсь, мой друг Джованни, ты не считаешь, что великий Рим мог быть построен свободными людьми? Или египетские пирамиды? Свободные люди творят в кабинетах и лабораториях или выпивают в кабаках со своими девками, а не вкалывают на стройках! Шлюз словно бы издевался над убогостью полуразрушенной церквушки неподалеку, не говоря уже о деревянных избах времен царя Гороха, страдавших от соседства с двумя-тремя новорусскими виллами, которые сверкали безвкусным великолепием. Заметим, что по «Голгофе» мы стимулировали подобные сооружения, предвкушая, как завистливая толпа в роковой момент с вдохновением сметет, сожжет, развеет по ветру все это богатство, выдерет хвосты у сиамских кошек, шмякнет головами о булыжники изящных фокстерьеров, вошьет в аквариумы соляную кислоту. Сожжет на кострах изящных пони вместе с самими толстопузыми жильцами, запалит прямо под их великолепными импортными кипарисами! Мир хижинам! Война дворцам!

Я вышел на палубу и осмотрел все вокруг, пытаясь явно представить всю картину народного гнева. Сердце почему-то не kloкотало вместе с народом, зато снова подозрительно оттопырились штаны. Очень кстати дунул неожиданный бриз, задрал юбку у пробежавшей Сороки, и ее обнаженные ягодицы загорелись, как солнце, и потянули к себе, потирая половинками друг о друга. Я проглотил слюну, но тут заметил всю нашу компашку, соратники столпилась у правого борта и помахивали руками мальчикам, удившим рыбу на берегу. Дятел сбросил пиджак и стал похож на сплошную задницу. Орел орудовал железной расческой и несколько взлохматил прядь волос, ему казалось, что он прикрыл лысину, но от этого она засияла еще ярче, словно луна в кремешной тьме ночи. Оркестр из трех молодых ребят, нанятых для развлечения моих орнитологов, грянул знаменитую «Славянку». Приближалась пристань древнего городка Козьмодемьянска, уютно раскинувшего свои домишки на горе, они утопали в пышной зелени, чуть подпаленной летом. На берегу уже ритуально стояли нищие с горящими глазами, предвкушавшие щедрые подаяния от иностранцев, подъехало несколько «жигулей» с местными купчишками, они суматошно раскладывали столики, уставляя их матрешками, дешевой и, естественно, фальшивой водярой, цветными шальями и прочей фиговинной для дураков.

«С 1781 года город входит в Марийскую республику, — я обеспечил и радиопросвещение своих иностранных дру-

зей. – Тут развита легкая и пищевая промышленность. Родина композитора Эшпая. Имеется краеведческий музей с картинной галереей имени художника Григорьева, а также музей деревянного зодчества Марийской республики».

– Понятия не имел, что в России живут марийцы, – заметил Орел и снова поправил свою лысину, прикрыв ее, как ему казалось, волосами, словно ермолкой.

Увы, почтеннейший Джованни, знание о России ненамного прогрессировало с твоих времен, в умах иностранцев мы – грязные дикари, а между тем еще до твоего рождения расцветал и сверкал церквями Киев, и дочка князя Ярослава Мудрого, вышедшая, к несчастью, за сифилитика – короля французского, жаловалась на убогость Парижа... Одно признаю: нынешние люди поразительно деградировали со времен твоего раннего Ренессанса, мессер, они в подметки не годятся доблестным мужам твоего времени! Где эрудиция, энциклопедичность, тяга к сочинительству и живописи? Где Леонардо да Винчи? Микеланджело? Где Медичи Великолепный, блестящий политик и не менее блестящий писатель? Где умение драться на шпагах или на мечях, сложить голову ради чести, своей или чужой? Обезьяноподобный депутат парламента и лидер партии парламента лупит женщин, да за это ему прокололи бы брюхо, как кабану, прямо на площади Республики! Бездари политики, венерики и алкоголики, не только трусы, они просто не подозревают, что существует такое понятие, как честь. Поливают друг друга грязью, как из

ушата, – и ничего! Никаких дуэлей! Зато легко отправляют молодняк на кровавые бойни, не своих детишек, естественно, для них уготовлены самые райские университеты Лондона и Флоренции. Зачем я тебе жалуюсь, Джованни? Отвожу душу? Да нет, просто хочу, чтобы ты понял «Голгофу» и ситуацию в моей стране. Кстати, ты помнишь, что твой учитель и друг Данте расположил свой Ад на севере? Подозреваю, что все его девять кругов уходят в глубь земли, прямо в пасть Люцифера где-нибудь на территории России...

В глубоком похмелье, словно из кишок негра, явился на свет капитан и хриплым голосом доложил, что местные власти просят переждать ночь на рейде. Причины не указывались, впрочем, на берег никто не рвался, все ожидали ужина и последующего дебюта Тетерева, обещавшего пикантный шпионский рассказ.

Я прошествовал к себе в каюту и просмотрел газеты и шифрдепешки. Новый президент еще не обрел уверенности, держался скромно и не вешал. Члены правительства обещали быстренько вывести страну из кризиса, им уже никто не верил, все тихо молились: не стало бы хуже! Вспомнился стишок Мандельштама об Иосифе Грозном: «... *как подковы, кует за указом указ – кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз*». Вот бы так! Поужинал я наскоро у себя в каюте, посадив на колени Сову. Естественно, в район колен был запущен агрегат, и она, томно пошевеливаясь, возделенно шевелила бровями а-ля Брежнев Леонид Ильич,

сдерживала стоны и тихо орошала колени, что лишь разжигало мой аппетит. Я так увлекся, что чуть не опоздал на первый сбор декамерона в музыкальном салоне «ЛЕНИНА», там уже залегло в креслах мое птичье царство, потягивая из стаканчиков, занесенных туда барменом Митей.

Главный спикер Тетерев был душист, как увядший ландыш, на нем вполне прилично сидел льняной пиджак с черным галстуком в белую крапинку, переодеваться эта вальяжная, черноокая птица обожала, а еще больше поразглагольствовать о том о сем, поправляя непрерывно цветной платок, намеренно небрежно заткнутый в верхний карман. Заиграла лютня. Жаль, что это был не любимый падекатр, на котором я оттачивал свое танцевальное искусство в Сызрани. Заказал бутылку портвейна «Кавказ».

Ты не представляешь, Джованни, какую роль сыграли портвейны в моей жизни! Причем не утонченные португальские, откуда сей напиток родом, а доморощенные, ядреные! Посадил под свое крыло Марфушу, бедра которой дышали таким жаром, что мои фильдеперсовые кальсоны прилипли к вспотевшим членам, и опять вспухли проклятые штаны. Все тонко ощущали сиюминутность жизни. Как писал мой приятель актер Эйранов: *«Пройдет еще немного лет, лаская радостями скупо. И превратитесь вы в скелет, хоть это, может быть, и глупо!»* На этой грустной ноте затоковал наш Тетерев, во время рассказа он расхаживал по музыкальному салону, видимо, мучили его либо геморрой, либо кактус, на

который он сел вместо горшка. Возможно, какая-нибудь аденома, чёрт бы их всех подрал, впрочем, один мой дружок до конца дней своих считал свою аденому куском засохших экс-крементов – именно так нужно относиться к болезням! Но зачем Роза приходила в больницу? Почему подарила безумного Сальвадора Дали?

**Новелла о неистовой страсти,
которая постоянно в конфликте
с разумом и государственными
задачами, о внебрачных
детях, упрямых шотландках,
великом Роберте Бернсе, о
скуке жизни и преимуществах
реки Волги перед петлей**

*Да, Лондон малость чересчур для нас.
Не то что я хочу вас этим обидеть —
Просто мы тут сошли бы с ума.*

Т.С. Элиот

Когда в посольстве СССР, что на Кенсингтон Пэлас-гарденс, затаившейся близ Кенсингтонского дворца улице миллионеров, проходило партийное собрание, в русском отделе британской контрразведки – МИ-5 наступал истинный праздник. Уже за неделю об этом событии становилось известно имеющей встроенные уши контрразведке, именовали его не иначе, как «профсоюзным» – ведь большевистский ЦК еще с коминтерновских времен повелел конспирироваться, опасаясь, что англичане поставят комячейку в посольстве вне закона. Но хотя многие хохотали над архаичностью «профсоюзной» вывески, поднять руку на нее никто не смел: в Москве еще живы были зубры, стоявшие у истоков этой глубокой зашифровки.

Трансляция собрания в скромное здание МИ-5 недалеко от вокзала Виктория проходила через искусно заделанные в зале посольства микрофоны (операцию провели много лет назад через русскую агентессу-уборщицу), до сих пор не обнаруженные советской службой безопасности. Лайвшоу через мониторы поступало прямо в кабинет, где для пущей фееричности на табло высвечивались фотографии выступавших и их краткие биографии. Все это создавало сочный спектакль, дававший фору любой комедии Уэст-Энда, и потешало не только обитателей кабинета – Джорджа Листера, Джеймса Бэрри и Вивиана Колина, но и других рыцарей русского отдела, не упускавших случая, чтобы заглянуть в кабинет и выпить заодно чаю, приготовленного добросердечной во всех отношениях секретаршей Молли. И даже сам начальник отдела легендарный Питер Дженкинс, всю жизнь посвятивший беззаветной борьбе с коварными русскими, иногда являл свою персону подчиненным, устроившись скромно в уголке на стуле, – присутствие шефа вносило некоторое оцепенение в ряды зрителей, любивших крепкие шутки в адрес выступавших.

К самому началу собрания народ обычно стягивался вяло, зная косноязычность посольства и секретаря партийной организации Переверзева – говорил он медленно, бесконечно повторялся, тянул kota за хвост на редкость занудно. Однако в этот день посещаемость была выше обычной.

– Все ли мы сделали для улучшения англо-советских от-

ношений? – риторически вопрошал Переверзев, протыкая указательным пальцем воздух. – Нет, товарищи, далеко не все! Конечно, посольство поработало в этом плане неплохо, однако впереди еще много важных проблем, которые требуется разрешить (эту тему он еще долго пережевывал, не в состоянии выбраться из пучины слов).

– Ну и наглец! – хмыкнул розовощекий Джордж, попутно прихлопнув муху, уже давно парившую над его головой, он слыл не только закаленным борцом с русскими, но и убийцей любого вида насекомых, которых он выискивал в самых невероятных местах.

– Подумать только: болтать об англо-советской дружбе и в то же время забить и посольство, и все другие советские учреждения сотрудниками КГБ и ГРУ!

Тезис о постоянном наращивании советской разведывательной мощи в Англии, о том, что «они здесь, словно тараканы», несомненно можно отнести к самому популярному в русском отделе. Возмущение обычно сопровождалось сетованиями по поводу скупости парламента, экономившего каждый пенс на святое дело безопасности, в том числе и на контрразведку.

– Наши бездельники из МИ-6 тоже в Москве говорят о дружбе, – отозвался Джеймс, отразив в этой короткой реплике глубинные противоречия между МИ-5 и МИ-6, английской разведкой, работавшей за рубежом. – Правда, совершенно непонятно, зачем разыгрывать спектакль друг перед

другом.

– Русские патологически конспиративны и всегда исходят из того, что их подслушивают. Тем более что собрание проходит в незащищенном помещении, где запрещено говорить на секретные темы, – пояснил Джордж.

В разведшколе славянскую душу изучали досконально и знали, что кроме всего прочего она недолюбливает иностранцев, отличается беспечностью, разгильдяйством и непонятными метаниями из одной крайности в другую, склонна к беспредельному пьянству и удручающей прямолинейности.

– Может, они просто знают, что у нас там «жучки»? – заметил Джеймс.

– Исключено. Они бы сразу их изъяли.

Джеймс промолчал и подумал, что это совсем не обязательно – ведь можно исходить из презумпции, что вместо старых «жучков» поставят новые. Так не лучше ли жить со старыми и хорошо известными?

Между тем Переверзев снял очки, что указывало на переход от рутинного толчения воды в ступе к душевным откровениям, и внимательно осмотрел зал подслеповатыми глазами. Зал тут же притих и даже замер.

– А теперь, товарищи, я хотел бы затронуть проблему коньяка...

Тут Джордж издал радостный вопль и несколько раз ударил кулаком по стене – кабинет тут же стал наполняться со-

трудниками, и появился даже сам шеф, не пожелавший присесть и прислонившийся к стене у дверей, засунув руки в штаны из бежевого кавалерийского габардина.

– Вам известно, что произошло большое несчастье, – продолжал Переверзев, – большая беда для нашего государства. по вине московской внешнеторговой организации, пренебрегшей консультациями с нашими посольством и торгпредством, в Англию ввезли для продажи большую партию армянского коньяка, снабдив не этикеткой «бренди», а этикеткой «коньяк».

Он помолчал, ожидая реакции зала, но ее не последовало: никто ничего не понял.

– Коньяк является исключительной монополией французов, и использование этого названия противоречит международному праву. Посоветовавшись с Москвой, – тут Переверзев сделал многозначительный акцент, будто он советовался не меньше, чем с генеральным секретарем, – мы приняли решение не вывозить груз обратно, неся новые расходы, а реализовать его внутри советской колонии по доступной цене, т. е. по два фунта за бутылку. И вот итог: должен вас поздравить, товарищи, – Переверзев не был совсем лишен чувства юмора, – партия коньяка была реализована в рекордно короткий срок – одна неделя! Уверяю вас, что англичанам на это дело потребовался бы по крайней мере год.

В зале посольства и в кабинете МИ-5 одновременно раздался дружный хохот, словно наступило единение врагов и

все радовались этому великому событию.

– Но это предыстория. Смысл моего выступления сводится к тому, что пустые бутылки валяются не только рядом с королевским дворцом здесь, на Кенсингтон Пэлас-гарденс, но даже в пригородном Кью-гарденс, – строго завершил свой спич Переверзев. – Спасибо за внимание.

По залу пробежал блудливый шепоток, народ пересматривался и перемигивался, словно банда преступников, повязанных одною веревкой: коньяк прошел через желудки всех присутствующих, кроме, пожалуй, первого секретаря Пурникова, человека на редкость интеллигентного и, видимо, потому потерявшего контроль после даже малой рюмки.

Язвительный, как и все непьющие, Пурников подумал, что бутылками забросан не только Кью-гарденс, но и почтенный Риджент-парк с оленями и гольфовыми площадками и уж, конечно, королевский Виндзор, куда обожали выезжать на пикники.

– Кажется, я видел пустую бутылку в урне рядом со входом в нашу фирму, – попытался пошутить обычно молчаливый юный Вивиан, поступивший в русский отдел лишь два года назад, сразу после Оксфорда, однако на его остроту никто не отреагировал (если бы это изрек Питер Дженкинс, комната обрушилась бы от хохота).

Тем временем наступившая пауза сменилась прениями.

– Слово предоставляется товарищу Ирине Воробьевой, – объявил председательствующий.

На трибуне появилась полная дама лет сорока с твердыми чертами лица, волевым подбородком и благородно-длинным носом, под которым чернели растопыренные в разные стороны усики, причем изрядно помятые, словно по ним проехал пылесос.

– Я сама армянка, товарищи, моя девичья фамилия Акопян, и потому мне особенно больно за армянский коньяк. Распродажа его по дешевым ценам нашим сотрудникам была глубоко гуманным актом руководства посольства и профорганизации (она сделала паузу и тепло посмотрела и на посла, и на Переверзева, сидевших в президиуме), и тогда, конечно, никто не подозревал, что найдутся безответственные товарищи, которые будут разбрасывать по всему Лондону пустые бутылки с надписью «Сделано в СССР». Что подумают о нас англичане? Неужели те, кто бросал пустые бутылки, не понимали, что бросают тень на свою Родину? Казалось бы, это мелкий вопрос, но одна такая пустая бутылка сводит на нет наши усилия по укреплению англо-советской дружбы. Не подумайте, что я – аскет, товарищи, я сама иногда выпиваю (смех в обоих помещениях), но не забывайте: вы – в капиталистической Англии с вековыми предрассудками, где даже в паб не пустят с собственной бутылкой!

Джордж воздел руки к небу, аудитория завывала от восторга, а Питер Дженкинс вынул платок из штанин, где покоилась его рука, и промокнул капельку у глаза.

Тема пустых бутылок обсуждалась живо, диапазон вы-

ступлений колебался от мрачно-осуждающих до гнусно-ерничавших, злобствующий Пурников даже предложил резолюцию, обязывающую профбюро торгпредства впредь контролировать подобные распродажи.

Но наступал уикенд с его загородными поездками и дружескими застольями. Засиживаться никому не хотелось.

В субботу Игорь Воробьев, взяв жену Ирину и десятилетнего сына, устремил свою «Волгу» в галерею Тейт.

Игорь считал своим долгом самообразовываться и, соответственно, приобщать к культуре жену и сына, Тейт он ставил на первое место по сравнению с Национальной и Портретной галереями, хотя больше всего предпочитал небольшие музеи вроде Коннот, Уоллес или Кенвуд в диком парке Хемстед-хит.

– Честно говоря, меня мутит от этого модерна, – говорила Ирина. – Не зря Хрущев дал по одному месту нашим абстракционистам – такое и осел может намалевать своим хвостом!

– Ты можешь посидеть в машине или прогуляться по набережной, – заметил Игорь. – В галерее не только абстракционисты, там и Тернер, и Мур...

– У этого Тернера – один туман, и ничего не видно, – возмутилась Ирина, вышла на набережную и медленно двинулась вдоль Темзы, критическим оком рассматривая прохожих.

Игорь обожал модерн, впрочем, и сын Витя с интересом

рассматривал скульптуры Мура и даже поглаживал их рукой, хотя предпочитал не художественные галереи, а посольскую дачу под Гастингсом, подаренную Советам каким-то сбрендившим индусом-коммунистом. Дети чувствовали там себя вольно и с удовольствием разламывали муляжи рыцарей в кольчугах и раздирали старинные шпалеры. Домой возвращались молча, Игорь, впрочем, несколько раз пытался оживить атмосферу, но отвердевший подбородок Ирины говорил о том, что она обижена и на Игоря, и на весь модернизм. У дома он затормозил, предупредительно открыл двери и выпустил жену и сына из машины.

– Я приеду поздно, пришёл наш корабль в Тилбури, и у меня там масса дел.

У советского морского представителя в порту Тилбури действительно имелся небольшой офис, приходилось постоянно метаться между портом и столицей, что отнимало немало времени.

– Господи, даже в субботу работа! – проворчала Ирина. – Как мне все это надоело!

– Я могу попроситься домой в Москву, – заметил Игорь, зная, как раздражают супругу даже намеки на скорое возвращение домой.

Любящий муж и отец подарил жене и сыну пару легких поцелуев и умчался по неотложным делам.

По субботам Джордж Листер, как правило, встречался со своей любовницей Барбарой. Двух интенсивных часов в по-

стели ему вполне хватало, чтобы зарядиться на всю неделю, чего нельзя сказать о его партнерше. Счастливые минуты Джорджа уже истекли, и он, натянув штаны, с удовольствием прихлебнул из стаканчика со скотчем, прикидывая, что еще успеет сыграть партию-другую в бридж.

– Уже уходишь? – без особой обиды спросила Барбара, давно смирившаяся со спринтерскими качествами Джорджа, кроме того, впереди маячило еще одно многообещающее свидание с нестигаемым стайером.

– Много дел, – сказал Джордж озабоченно, словно на Лондон в субботний вечер навалились все шпионы мира и лично ему выпала честь в этот тяжкий момент оградить граждан от несчастий.

– Не забудь передать привет жене! – съязвила Барбара, хорошо изучившая все трюки Джорджа.

– Обязательно! Ей будет очень приятно услышать доброе слово от старой подруги! – он не остался в долгу, тем более что не грешил против истины.

На этой веселой ноте они и расстались, нежно расцеловавшись, Джордж молодецкато сбежал вниз по лестнице и через задний ход вышел в небольшой садик (как опытный конспиратор, он старался не пользоваться главным подъездом, зачем зря светиться перед соседями?), где прогуливалась лишь пара с детской коляской. Мельком взглянув на супругов, Джордж нарочито деловым шагом проследовал дальше, но вдруг остановился: лицо мужчины показалось ему

чрезвычайно знакомым. Вроде бы приводя в порядок развязавшийся шнурок на ботинке (излюбленный, хотя и избытый прием филеров), он пристальнее изучил мужчину. Пара двигалась мирно, говорила по-английски, спутница мужчины сверкала яркой рыжиной и изящно двигала ягодицами, а мужчина – в этом не было никакого сомнения – являл собою Игоря Воробьева, которого Джордж прекрасно знал по досье и фотографиям в профиль и анфас. Нечего и говорить, что прогулка русского с таинственной мамой, не проходившей по досье в качестве супруги, являлась сама по себе происшествием чрезвычайным, и сердце Джорджа бешено забилося, словно он родился не хладнокровным англичанином, а каким-нибудь воспаленным макаронником, ноги загорелись и автоматически понесли его в штаб-квартиру контрразведки, где, естественно, на уикенд никого, кроме дежурного, не осталось.

Шеф русского отдела Дженкинс наконец вырвался в суровом одиночестве (жена болела и лечилась во Франции) в Корнуолл к своему старому другу, жившему в добротном имении на высокой горе, пропастью обрывавшейся в серое море. После завтрака друзья съездили на джипе в живописную деревушку близ Панзанса, где когда-то во время Первой мировой мучился Лоуренс, но не прославленный полковник, а плодовитый писатель и творец ранее порнографической, а ныне вполне банальной книги «Любовник леди Чаттерлей». Писатель был женат на немке Фриде, которую все вокруг

считали немецкой шпионкой, и каждый раз, когда она развешивала сушить белье, доносили в полицию, что это – условный сигнал для немцев.

Овдовевший дружок давно отдыхал на пенсии, а заодно и издавал маленький журнальчик по садоводству, имевший такой успех, что ему постоянно писали и даже лично визитировали поклонницы, жаждавшие поделиться впечатлениями, одна из них, наиболее преданная делу садоводства, в этот раз осталась на уикенд и приготовила великолепный ужин, состоявший из министроне и потрясающе зажаренного кролика, которого ели и под красное бургундское «Nuits St. George», и под белое «Pully fume», потом перешли в маленькую гостиную, откинулись в креслах, отведали порта и кофе и засели за карты, изредка поглядывая на включенный телевизор. За этим благородным занятием и застал Питера телефонный звонок Джорджа Листера.

– Чрезвычайное происшествие, шеф, – отрывисто говорил Джордж, боясь проронить лишнее слово.

– Требуется мое немедленное возвращение?

– Не знаю, шеф, я не могу объяснить по телефону...

– Ни в коем случае! – предупредил не менее конспиративный Питер, – намекните в общей форме...

– Это касается интересующего нас человека... неожиданно появились новые, совершенно сенсационные данные... он относится к породе медведей... конечно, дело терпит...

– Я вас понял, – ответил Дженкинс. – Белых медведей?

– Нет, черных, – пояснил Джордж.

Белые медведи на контрразведывательном сленге означали страны Восточной Европы, черные, естественно, были злобные Советы, точившие клыки на Соединенное королевство.

– В таком случае я немедленно вылетаю.

Игру пришлось прервать, но Дженкинс не жалел об этом: душа его испытывала дискомфорт без острых заварушек – недаром он начал свою карьеру в СОЕ, диверсионном подразделении, забрасывавшем своих людей в тыл к немцам. Джордж встретил шефа прямо в аэропорту Хитроу на своей машине, к счастью, дорога была без пробок, хотя навстречу тянулась вереница автомобилей с лондонцами, жаждавшими вдохнуть кислород за городом.

– Я что-то позабыл, кто такой этот Игорь Воробьев, но уверен, что мы его не разрабатывали... – память у Дженкинса была феноменальной, и он часто поражал своих подчиненных такими тонкостями, как зарплата завхоза советского торгпредства, число автомобилей в агентстве ТАСС или семейная генеалогия какого-нибудь третьестепенного сотрудника КГБ.

– Вы совершенно правы, – Джордж чувствовал себя несколько неловко, вытянув шефа с заслуженного отдыха, – мы с самого начала не проявляли к нему никакого интереса. Он работает в советском представительстве Морфлота, занимается кораблями, и даже КГБ его не использует, считая

инертным и малоспособным.

– Откуда вы знаете последнее? – поднял брови шеф.

– Данные прослушивания квартир. Снисходительные и даже уничижительные отзывы о нем кагэбистов. Жена заместителя резидента сказала своей подружке, что Воробьев – ни рыба, ни мясо, при этом сослалась на своего мужа.

На базе прослушивания квартир новый Лев Толстой смог бы создать великое драматическое произведение, в котором бурлили бы и ненависть, и любовь, и жажда подложить свинью. Особенно много пищи давали английской спецслужбе семейные скандалы, когда стороны забывали о сдержанности и бдительности и прямо резали правду-матку, вплоть до возмущения жен задержками со званиями их мужей, недостаточных зарплат и зависти к дворнику, который на самом деле полковник КГБ.

– Что еще мы знаем о нем? – продолжал допрос Дженкинс.

– Он тут шесть лет, жена у него... помните армянку, выступавшую на партсобрании? Все хохотали. Так это она и есть!

– И это все сведения? Положение в семье?

– Мы его не разрабатывали. Вы сами не раз говорили, что глупо разбрасывать силы на всех... надо работать приоритетно... – оправдывался Джордж.

– Вы всегда находите хорошую причину для своей бездеятельности, – шеф был явно не в духе после срочного вылета из Корнуолла. – Запомните, Джордж, что для нас не суще-

ствуует людей, не представляющих интерес. Даже из уборщицы можно сделать первоклассного агента, конечно, если она убирает кабинет советского посла. Даже бульдог резидента КГБ может сослужить хорошую службу, если зашить ему под шкуру чувствительные датчики... – тут шеф почувствовал, что хватил лишку и явно преувеличил возможности бульдога, при этом он вспомнил о собственном бульдоге, которому тоже враги могут залезть под шкуру, и ему стало жалко пса.

– Так кто же его спутница? – шеф помягчел. – Может, это просто случайность?

– Сомневаюсь. У них был вид близких друзей.

– Интересно, как вы это определяете? – хмыкнул Дженкинс. – По улыбкам, по стилю беседы, по телодвижениям во время прогулки?

– Фамилию и прочие данные я еще не установил, но она явно англичанка... – уклонился от прямого ответа Джордж.

– Где она живет?

– Бакстоун-гарденс.

– А как вы оказались в том районе?

Потребовалось усилие воли, чтобы сохранить почтительно-деловую маску на лице и устоять перед пронизывающим взглядом опытного волка.

– Был у приятеля... – Джордж внутренне съёжился, и ему вдруг стало жаль самого себя: чего, собственно, он боится? Всему отделу известно, что с женой он живет нелегко и собирается разводиться.

Только идиоты вытаскивают начальство с отдыха, это общеизвестно. Хотя... с другой, стороны, он проявил рвение, это зачтется, не сейчас – так позже.

– Надеюсь, к понедельнику вы соберете более полную информацию, у вас впереди целое воскресенье! – Дженкинс ослабился, а Джордж сделал вид, что нет большего удовольствия, чем тратить воскресенье на дела оперативные.

В это время в доме на Бакстоун-гарденс, что почти рядом с метро Эрлс-Корт, царила сама патриархальность: Игорь Воробьев мирно ужинал вместе с Джейн, попивая дешевое итальянское вино и бросая нежные взоры на кроватку с дитем. Рыжеволосая, гибкая, с миниатюрной фигуркой мама изредка подходила к нему и любовно поправляла то одеяльце, то подушку, незаконный отец чувствовал себя легко и раскованно, он тоже иногда любовно целовал мальчика в головку. Допив вино, Игорь встал во весь свой высоченный рост, потянулся, повалился на тахту и, сбросив тапочки, положил на стул длинные ноги в тонких шерстяных носках.

– Ты не забыл, что через неделю ему будет год? – спросила Джейн.

– Разве я могу это забыть? – он взял в руки ее ладонь и ласково прикоснулся к ней губами. – Мы это обязательно отпразднуем.

Он посмотрел на часы и заморгал глазами, уходить ему не хотелось ни сегодня, ни несколько дней назад, никогда.

– Уже почти полночь, мне пора... – звучало, словно моль-

ба.

– Так не хочется тебя отпускать... – она обняла его и увела в соседнюю комнату, тайно надеясь, что он останется ночевать: победа над той, другой, которая напрасно ждет и, возможно, никогда не дождется.

Но Воробьев не в силах был разрубить гордиев узел, хотя жена последние годы вызывала у него только отвращение.

– Подожди, скоро все образуется... – он прильнул к Джейн на прощание, помахал рукой спящему младенцу и вышел.

...Тонкий захлебывающийся визг будильника разбудил Джорджа ровно в семь, обычно он минут пять медленно выходил из сна, но сейчас, словно по тревоге, сразу же начал одеваться.

– Господи, даже в воскресенье нет покоя! – простонала жена, набрасывая себе на голову одеяло, но Джордж уже бодренько варил кофе на кухне. Выхлебал залпом, посмотрел на себя в зеркало и остался доволен: здоровый цвет лица, мускулистые плечи, спортивная фигура, натренированная на велосипеде и в бассейнах, вид защитника отечества, каждую минуту готового к бою. На машине быстро добрался до Бакстоун-гарденс и, словно впервые, с любопытством осмотрел пятиэтажный кирпичный дом с четырьмя подъездами. Подошел к первому подъезду и наугад нажал кнопку.

– Кто это, черт побери, трезвонит в такую рань? – прохрипел какой-то бас.

Он отскочил к другому подъезду, там снова нажал на

кнопку.

– Хэллоу! – раздался перепуганный женский голос.

– Извините, где живет консьержка этого дома?

– Нажмите на пятнадцатую квартиру, это мистер Хопкинс.

Мистер Хопкинс отозвался безрадостным скрипучим голосом.

– Извините, мистер Хопкинс, меня зовут Джордж Смит, у меня к вам дело, я хотел бы снять в этом доме квартиру...

Дверь зажуужжала, и вскоре Джордж предстал перед неприятным толстяком с отвислыми губами и вытянутым склеротическим носом, которым он словно обнюхивал пришельца со всех сторон.

– У нас только двухкомнатные меблированные квартиры, – начал Хопкинс без всяких предисловий. – Это вас устраивает?

– Не совсем, – ответил Джордж. – А можно без мебели?

– В этом случае вам стоит переговорить лично с хозяином.

– Хорошо. У меня есть еще один вопрос, – Джордж немного помялся, – тут у вас в доме есть пара, у них ребенок, у нее рыжие волосы. Как ее фамилия и в каком подъезде...

– А зачем вам это нужно? – перебил его толстяк.

– Видите ли, – Джордж порылся в карманах и протянул документ, – я из Скотленд-Ярда...

– Ах, вот в чем дело! – яростно отреагировал Хопкинс. – И фамилию придумал хорошую – Смит! Я сразу догадался,

что вы – шпик, и какого черта вы беспокоите честных людей в воскресенье?! Да еще придумываете идиотский предлог! Да я видеть вас не желаю, не то что отвечать на ваши шпионские вопросы!

Словно ошпаренный, Джордж вылетел на улицу и задумался. Обычно к просьбам Скотленд-Ярда законопослушные англичане относились с пониманием, а тут он нарвался на явно обиженного и с характером. Впрочем, работа по выяснению адресов – самая трудоемкая, обычно ею занимаются филеры, имеющие своих людей среди сторожей, дворников и консьержей. После некоторых колебаний он подошел к подъезду, где жила Барбара, нажал на кнопку и молвил ележным голосом:

– Доброе утро, Ба! Я случайно оказался в твоём районе и хотел тебя навестить.

Нельзя сказать, чтобы Джордж позвонил в самый подходящий момент: обнажённая Барбара в это время трепыхалась в страстных объятиях молодого индуса, давным-давно овладевшего заветами из «Камасутры». Звонok домофона разладил сыгравшийся оркестр, пришлось вскочить и, чертыхаясь, побежать к двери.

– Извини, но я принимаю ванну и сразу же уезжаю...

Барбара не скрывала раздражения, тут же повесила трубку и помчалась обратно в полыхающее ложе, где сверкал белками сухой, как выжженная пустыня, жилистый индус. Разочарованный Джордж глубоко вздохнул, сел в машину и поле-

тел по пустынным воскресным улицам прямо на службу, где было пусто – лишь одинокий дежурный, окруженный бумагами и телефонами, мечтательно смотрел в окно на голубое, созданное для уикенда небо.

– Послушай, Харри, мне нужно срочно сделать установку по месту жительства.

– Ты что? Спятил? Сегодня работает лишь одна бригада слежки, да и то их уже закрепили за советским военным аташе – он любит проводить операции по воскресеньям.

– Это очень важно. Указание самого шефа.

На дежурного эти слова не произвели никакого впечатления. Воскресенье в Англии – это святой день, пусть даже небо обрушится на землю, но преданный королеве сотрудник спецслужб вряд ли шевельнет пальцем, если он уже напялил старый свитер и удерживает дога, рвущегося на прогулку, или просматривает за кофе необъятную, похожую на целую подшивку газету «Санди Таймс».

– Как будто ты с неба свалился! Все ребята отдыхают, к тому же сегодня «Челси» играет с «Юнайтед Манчестер», можешь себе представить, что произойдет, если я вызову кого-нибудь на работу? – дежурный разводил руками и улыбался, мысленно посылая чрезмерно усердного Джорджа по дальше.

Пройдя в свой кабинет, Джордж отыскал досье на Воробьева, увы, но в оно содержало лишь его анкету, заполненную для получения визы, и краткую справку о его местопо-

ложении в Лондоне.

Ситуация выглядела безвыходной и пришлось снова потревожить Барбару.

– Ты еще дома? Извини, что я тебя потревожил. Нестерпимо хотелось тебя увидеть, – говорил он таким вкрадчивым и фальшивым голосом, что самому сделалось противно.

– Так приезжай. У меня изменились планы, я буду дома.

Барбару уже покинул темпераментный индус (не последнюю роль в этом сыграл гудок домофона, разрушивший мир «Камасутры» именно тогда, когда счастье было так близко), теперь она скучала и грустно курила, размышляя о тотальной слабости мужского рода вне зависимости от расовых особенностей.

– Постараюсь. Послушай, Ба, там у тебя во дворе бродит какая-то рыжая с ребенком. Кто это? – он даже закашлялся, чтобы показать свою незаинтересованность.

– Неужели она тебе понравилась? Это Джейн, довольно наглая девка, ее сыну почти год. Раньше работала на какой-то фирме.

– А как ее фамилия?

– Никогда не интересовалась. Она шотландка и очень гордится этим.

– А муж у нее кто?

– Вот почему ты мне звонишь! Это тебе нужно для работы, а я-то думала... Все вы такие в МИ-5! – взорвалась Ба.

Последнее было ударом ниже пояса: вряд ли в мире су-

ществует контрразведка, которая так глубоко залегла на дне, как МИ-5, никто толком не знает, где она находится и кто там работает, – все рыцари плаща и кинжала функционируют под другими вывесками.

– Причем тут МИ-5? Я ведь работаю в казначействе, ты это прекрасно знаешь! – слабо вякнул Джордж.

– Ха-ха. Спроси у моей лучшей подруги и твоей жены! – не щадила его Барбара. – Как она себя чувствует? Ты успел с ней переспать рано утром, перед тем как она приготовила тебе овсянку? Или по воскресеньям она дрыхнет целый день?

Джордж замолчал, ему стало чуть тошно от прямых атак на собственную половину – вот она, расплата за адюльтер с подругой жены, вечная история, и завидуешь друзьям, снимающим запросто девочек на стороне.

– Так ты приедешь? – милостиво прервала она паузу.

– Я с работы, но постараюсь, сделаю все, что смогу. Целую тебя, милая...

Джордж облегченно повесил трубку, конечно, сведений получил он с гулькин нос, но вполне достаточно, чтобы разматывать клубок дальше – во всяком случае утром уже не придется стоять на ковре перед шефом со спущенными штанами.

...Несчастье Игоря Воробьева заключалось не только в том, что он был влюбчив (особенно везло ему на лахудр, от которых все шарахались, – на этом фоне рыженькая Джейн высилась, как Мэрилин Монро), в конце концов, это не са-

мый страшный порок. Беда была в фантастической нерешительности Игоря, органической неспособности сделать определенный шаг в ту или иную сторону, при этом, к несчастью, выглядел он, как герой а-ля Джек Лондон: рост высокий, подбородок по-боксерски вперед, лицо твердое и мужественное, движения уверенные – такому человеку хотелось довериться на всю жизнь. Сослуживцы хорошо знали слабости Игоря и никогда не доверяли ему самостоятельно вести какие-либо переговоры с иностранными фирмами – в этом случае финал не предвиделся, решения Игорь принять не мог и вечно, как буриданов осел, выбирал между двумя охапками сена.

Роман с Джейн завертелся неожиданно-негаданно на приеме в английской судостроительной фирме, устроенном в честь построенного СССР торгового судна, о борт последнего супруга торгпреда традиционно расколотила бутылку шампанского, привязанного к толстому канату. На последующем банкете все изрядно возлияли, там Игорь и познакомился с Джейн, служившей на фирме секретаршей. Приобщил ее к водке и научил пить залпом, на русский манер (это тут же ввело шотландку в сладостный транс). Затем они отправились в ночной клуб на Пикадилли, смотрели бессмысленное и шумное шоу, крупно выпили виски, танцевали и целовались, а позже как-то само собой получилось, что Игорь очутился в постели Джейн у нее на квартире. Любовники продолжали встречаться, и вскоре Джейн порадовала влюблен-

ного по уши русского неожиданной (или вполне ожидаемой) беременностью и полным нежеланием делать аборт, что противоречило ее католической вере. От шока Игорь чуть не слетел со стула, но подавил в себе заячье желание бежать от Джейн на край света и даже разыграл роль заботливого отца, деланно радуясь и покрывая ее поцелуями, – получилось это глупо и неуклюже.

Джейн была истинной свободолюбивой шотландкой, навязывать себя не собиралась, несмотря на любовь к Игорю, и не сомневалась в своем счастливом будущем даже в качестве матери-одиночки, тем более что она закончила лондонскую школу экономики (место секретаря было лишь временным транзитом в большой бизнес, о котором она мечтала). Все это умиляло Игоря, завязанного англофила, читавшего в оригинале неведомого в России Энтони Троллопа и глубоко почитавшего такого же загадочного субъекта, алкаша, женолюба и остроумца доктора Самюэля Джонсона, воспетого Босвеллом. Игорь восторгался английскими пабами, скачками в Дерби и Аскоте, полосатыми костюмами, собачьими бегами, твидом «харрис» и тонкими фланелевыми брюками, увы, протиравшимися слишком быстро, но все равно прекрасными.

Первых сведений, полученных от Барбары, вполне хватило для начала самой активной разработки загадочной пары. Уже через два дня телефонный аппарат на квартире Джейн приобрел все качества «жучка», и на следующий день, с при-

ходом на квартиру Игоря, это дало богатый, чуть сентиментальный материал, который вызывал улыбки и неподдельный интерес у девиц контрразведки, обрабатывавших подслушанное.

– Мне кажется, в другой жизни я был англичанином, – говорил он Джейн. – Я смутно ощущаю, что жил когда-то на этом острове и даже носил рыцарские доспехи.

– Возможно, ты даже убил меня...

– Как так? – удивился он.

– А вдруг я была Марией Стюарт, а ты – ее палачом?

Это прекрасно – играть в историю, это прекрасно, как детство: можно побывать и в образе Ромео, и Отелло, и Юлием Цезарем, да и у женщин хватает блестящего прошлого от Евы до Марии Антуанетты. Потом они пили шерри и он читал Роберта Бернса на своем великолепном английском:

Расстаться нам велит судьба,

Не видно перемен.

Но буду я любить всегда

Свою малютку Джен!

И снова ночное расставание, фальшь и омерзительное чувство вины. Она молчала, но подтекст читался в ее потемневших глазах.

– Я не знаю, что делать, Джейн, ты должна меня понять, ты же умная. Не могу я так сразу бросить и жену, и двоих детей...

– Почему ты поднял эту тему? Можно подумать, что я жажду за тебя замуж!

– Но все-таки у нас Игорь! – сына назвали в честь папы.

– Это мой сын, и мы с тобой свободные люди.

– Но я люблю тебя! – туповато настаивал он. – Я не могу без тебя, – и он бросился целовать ее.

Пожалуй, больше всего она любила в нем эту порывистую иррациональность, когда с губ срывались бессвязные слова, а сами губы, объединившись с руками, беспокойно и необузданно бродили по ее телу. Она любила сопротивляться его ласкам, поднимая его градус, и потом, когда уже пот градом струился у него по лбу, неожиданно уступать, вызывая в нем новый приступ новой страсти. Девушки в службе подслушивания напряглись и заблестели глазами, словно смотрели грандиозный любовный фильм, правда, без изображения. Но на этот раз ничего пикантного не произошло, Джейн отстранила его и, холодно улыбаясь, открыла дверь.

– Джейн, милая, все будет хорошо, мы обязательно будем все вместе: ты, я и Игорь.

– Игорь, уходи, тебе пора! – ее раздражали долгие прощания, когда он топтался у двери, не в силах решить: остаться или уйти.

Когда он ушел, она долго не могла заснуть...

Оперативный Джордж времени не терял и поставил на слуховой контроль и квартиру главного героя спектакля. В тот вечер стены сотрясались от ссоры Ирины с сыном, при-

несшим много двоек в конце четверти, слушать это было скучно, но, к счастью, после полуночи появился глава семейства, и начался новый, более драматический акт.

– Где ты был?! – это рассвирепевшая Ирина.

– Я же тебе говорил, что в Тилбури сейчас зашло много наших судов... Что с тобою, Ирочка? – он попытался обнять ее, забыв, что взбешенных тигриц опасно трогать даже за хвост.

– Почти каждый день ты приезжаешь за полночь! Посмотри на свои губы, – она подтолкнула его к зеркалу, – от тебя пахнет... воняет чужой бабой!

Игорь слабо представлял разницу между запахами бабы своей и бабы чужой, тем более что он любил пользоваться хорошим одеколоном, однако натиск его напугал.

– Ты с ума сошла! Клянусь, что я был на работе...

Не оправдывайся, не обращай внимания, нашептывал внутренний голос, преврати все в шутку, не реагируй, это только заводит.

– Врешь! – она уже вошла в истерику, и скомканный кусти́к усов под носом дергался, словно рвался в бой. – Врешь! – и в него полетел подсвечник с унылой желтой свечой, он просвистел мимо его уха и угодил прямо в китайскую вазу – она картинно взорвалась, осыпав осколками персидский ковер. Непопадание в цель и гибель любимой вазы еще больше распалили Ирину, закатив глаза, она схватила большое (но недорогое) блюдо и с силой шмякнула его об пол.

– Ты предатель! – орала она. – Ты и в партийной жизни не участвуешь, потому что пресмыкаешься перед англичанами! Думаешь, если приоделся в полосатый костюм, то стал похож на джентльмена? Как был деревней, так и остался, вместе со своими забуревшими родителями...

– Ради бога, не трогай моих родителей...

– Однажды я плюну на все и расскажу на партбюро всю правду о тебе! И о твоих восторгах по поводу английской демократии, и о том, что ты читаешь Солженицына!

– Я же читаю его в английских газетах, у меня нет его книг, – он не на шутку перепугался. – Ирочка, успокойся, что ты говоришь?

– Уходи! – закричала она. – Я не могу жить с тобой под одной крышей!

И ушла в другую комнату, всхлипывая и путаясь в халате. Девушки из службы подслушивания были в восторге. Игорь капнул скотча в стакан с водой, но пить не стал, ночь подкапнулась клубком к горлу, и он тихо, неумело заплакал.

На следующий день контрразведка МИ-5 тоже не избежала бескровной драмы.

– Ну и дела! – говорил Питер Дженкинс, сжигая грозным взором Джорджа Листера, Джеймса Барри и Вивьена Колина, затаившихся, словно перепуганные хорьки, на своих стульях. – Что же это происходит?! Русский не просто живет с шотландкой, но и имеет от нее сына, причем названного в его честь Игорем, причем этот русский – англофил и дисси-

дент, а мы лишь хлопаем ушами и ничего об этом не знаем!

Дженкинс сделал паузу, остальные тоже траурно молчали.

– Русских тут, как сельдей в бочке, если бы нам увеличили штаты... к тому же он не связан с КГБ... – слабо пикнул Джордж, разорвав тишину.

– Хватит оправданий! – заорал шеф. – Перед вашим носом сидит готовый агент, а мы об этом даже не подозреваем. И это при том, что у нас сейчас нет хорошей русской агентуры...

– А Климкин? – вмешался доселе молчавший Барри.

– Что Климкин? – возмутился шеф. – Думаете, если завербовали шофера советского посла, то уже решили все проблемы. Ваш Климкин, кстати, полная тупица, к тому же он даже не может толком уяснить, о чем посол беседует в машине. А что касается его информации о тех, с кем встречается посол, то мы это и так знаем от службы слежки. Я уверен, что Климкин – подстава КГБ!

И Дженкинс презрительно растянул губы в усмешке. Все грустно смотрели куда-то вниз, на ножки начальственного стола, словно провинившиеся дети. Если уж Климкин подстава, то где же тогда честные люди? По подставам англичане считали мастерами себя и только себя, и действительно, контрразведка ловко подсовывала резидентуре КГБ своих людей: одни вызывались шпионить добровольно, приходили в посольство и даже предлагали секретные документы, других служба засекала и перевербовывала, и они верно слу-

жили, сообщая об интересах советской разведки.

– Что будем делать? – чуть успокоился шеф.

– По-видимому, надо продолжить изучение этого типа... Техника, которую мы недавно поставили у него дома, дает неплохие результаты... – осторожно заметил Джордж, боясь напороться на очередную мину.

– Тише едешь, дальше будешь? – язвительно отреагировал шеф. – И так еще несколько лет. А что, собственно, еще мы должны знать о нем? Разве всего того, что мы знаем, мало для его вербовки? Или вы полагаете, что он побежит в посольство и признается, что имеет на стороне ребенка? Его надо немедленно вербовать! – и в подтверждение своих слов Дженкинс стукнул трубкой о стол, пепел фейерверком осыпался на драгоценные бумаги.

Разговор закончился, прилежные контрразведчики встали и скромно покинули начальственный кабинет.

Ранним воскресным утром по аллеям Ричмонд-парка двигалась симпатичная пара: преисполненный достоинства седовласый джентльмен с сумкой, из которой торчали ключики для гольфа, одет он был в клетчатый пиджак и никкербокеры, большую и, по-видимому, умную голову покрывала тоже клетчатая кепка. Джентльмен ласково посматривал на молодого человека, вероятно, сына, в пуловере и джинсах, и изредка указывал рукой на лауны, где уже неторопливо расхаживали игроки. Впрочем, разговор между резидентом КГБ в Лондоне Олегом Тениным и Вивьеном Колином, за-

вербованным КГБ еще три года назад в университете и внедренным в МИ-5, выходил за рамки спортивной дискуссии, хотя со стороны выглядел именно таким образом.

– Очень интересная информация! – говорил Тенин, осматривая клюшку так внимательно, будто тотчас же собирался ухнуть ею по шару. – И что Дженкинс собирается делать с этим Воробьевым?

– Он намерен его вербовать, не откладывая дела в долгий ящик. Вы же знаете, что мой шеф не любит тянуть резину и весьма оперативен, – Вивьен относился к Дженкинсу с почтением, что не мешало ему по мере возможностей очищать отдел от секретов.

– Поэтому и попадает все время в задницу, – заметил Тенин, и они весело посмотрели друг другу в глаза, любящий папаша и вечно благодарный ему сынок. – Не будем затягивать встречу, конспирация прежде всего. Спасибо за документы.

Он улыбнулся самой широкой в мире русской улыбкой, а Вивьен отошел в сторону, чуть-чуть, осторожненько шевельнув пальцами в прощальном приветстве.

Прибыв в посольство, взбудораженный Тенин походил по кабинету, проигрывая все самые гениальные решения, но окончательного не нашел и вызвал к себе офицера безопасности Червоненко, перешедшего на оперативную работу из хозяйственного управления КГБ благодаря своим родственным связям. Чернобровый кудрявый красавец уже через ми-

нугу влетел в кабинет резидента и застыл во всей своей красе, интуитивно предчувствуя бурю.

– Садитесь! – резко сказал Тенин, словно приглашал присесть на электрический стул.

– Спасибо, я постою, – мягко ответил по-украински хитрый Червоненко, уже не раз опробовавший этот гениальный прием на начальстве: разве не вызывает жалости беззащитный, стоящий навывтяжку человек? Разве, глядя на него, можно сказать грубое слово?

– Что вы думаете о Воробьеве? – начал Тенин без всяких вступлений.

– Как вам сказать... – Червоненко стал крутить и выигрывать время, дабы уловить отношение шефа к затронутой личности. – Человек он непростой... Сразу его понять трудно, с одной стороны, вроде бы...

– Что вы телитесь, как корова?

Дальше последовал хороший залп трехэтажного мата, Червоненко даже слегка покачнулся и вспомнил, как неделю назад после мощного разноса он помогал вытаскивать из этого кабинета заместителя резидента, у которого случился сердечный припадок.

– Что конкретно?! – рокотал Тенин.

– Работает он хорошо, никаких компроматов на него не поступало, ведет общественную работу, – от волнения стройный красавец начал заикаться.

– Ситуация в семье?

– Дружная советская семья, жена, как вам известно, председатель женсовета и член партбюро, у них двое детей...

Червоненко попытался еще поднабрать немного деталей из жизни Воробьева, но вспомнить ничего не смог, наоборот, в голову навязчиво ломилась Дуся Сидельникова, машинистка посольства, которую он недавно случайно засек в пабе с неизвестным типом. Дуся потом утверждала, что всего лишь пила кока-колу, а тип сам заговорил и даже предложил выпить. Ну, а если это легенда и Дуся английский агент? «Что бы еще припомнить о Воробьеве, черт побери?» – тужился он. Но Дуся влезла опять со своими проблемами, офицер безопасности даже покраснел, словно она сидела обнаженная у него на плече, не стыдясь резидента.

– А что вы скажете, – словно выстрелил в упор резидент, – если узнаете, что он трахает англичанку и имеет от нее ребенка?

– Девочку? – неожиданно для самого себя спросил офицер безопасности и от нахлынувшей слабости опустился на стул.

– Козла! – заорал Тенин. – Значит так: вызовите его в посольство, допросите и посадите в подвал под хорошей охраной.

– А что потом? – сумел выдать из себя Червоненко, в мгновение ока превратившийся из чернобрового красавца в трясущееся желе.

– Дальше вывезем его на самолете в Москву! – резидент

смотрел на офицера безопасности с нескрываемым презрением, он терпеть не мог слабаков в славных органах. – А теперь идите! Только придержите штаны.

– Зачем? – не понял Червоненко.

– Чтобы не капало на пол, – хмуро улыбнулся шеф, и Червоненко вышел, думая о том, что он обязательно соберет самые страшные компроматы на Олега Тенина. Его давно волновала предрасположенность резидента к дорогим ресторанам, где он порою встречался с высокопоставленными англичанами. Правда, это не составляло секрета: Тенин любил обсуждать с подчиненными кушанья и марки вин, а возвратившись после хорошего ланча, закуривал сигару и надолго забирался в сортир, единственный в резидентуре, сигарный запах быстро распространялся по резидентурскому помещению, наиболее смелые сотрудники перемигивались, а некоторым приходилось спускаться по нужде этажом ниже. Червоненко на высокой скорости пролетел в свой кабинет и там, отдышавшись, крепко задумался над операцией по заманиванию Воробьева в посольство...

Предвкушая предстоящее счастье, Игорь ехал на randevу к Джейн, запасшись огромным игрушечным медвежонком для сына и изящным букетом хризантем для мамы. «Отцвели уж давно хризантемы в саду, а любовь все живет в моем сердце больном...» – мурлыкал он под нос. Настроен он был радостно и беспечно, погода разгулялась, солнце слепило глаза, водители с особой учтивостью уступали друг дру-

гу дорогу и тормозили перед «зебрами», улыбаясь переходящим дамам и поощрительно помахивая им руками. Ему и в голову не приходило, что в этот солнечный день над ним сгустились грозные тучи: сзади, впереди и даже в боковых параллельных улицах следовало несколько машин слежки, ведущих закодированные переговоры по радио и контролировавших каждое движение объекта. Машины поддерживали связь и с оперативной группой во главе с Джорджем Листером (в ней были и Барри, и Колин), обложившей Бакстун-гарденс со всех сторон. Все участники ответственной операции были переодеты в униформу контролеров, неуклонно налагавших дикие штрафы за неправильную парковку или превышение времени по счетчику.

Джордж чуть раньше въехал во двор дома, дабы подготовиться к прыжку. Тут, как назло, из своего подъезда выпорхнула разодетая Барбара, наметанный глаз которой тут же заметил Джорджа Листера в дурацкой униформе. Она содрогнулась от хохота и игриво помахала ему ручкой, но он сделал вид, что не заметил своей возлюбленной и отвернулся к коллегам. Барбара ушла прочь с твердым решением никогда не видеть трусливого контрразведчика.

Воробьев благополучно въехал во двор дома своей возлюбленной, аккуратно запарковал «Волгу», взял в обе руки подарки и направился к подъезду – тут они к нему и подкатились. Солировал Джордж, стараясь выглядеть добродушнее и раскованней, чем он был на самом деле, это, однако,

придавало всей сцене оттенок макбетовской зловещности.

– Добрый день, господин Воробьев! Чудесная погода, правда? К сожалению, вы запарковали машину в запрещенном месте... Не могли бы вы пройти в мою машину, где я выпишу вам квитанцию за штраф...

– Откуда вы знаете мою фамилию? – перепугался Игорь (Джордж и впрямь дал промашку, откуда транспортному контролеру известна фамилия нарушителя?)

– Вы часто оставляете тут машину, и мы были вынуждены навести справки... – соврал он.

– Кто вы такие? – уже в ужасе спросил Игорь, глядя на сумрачные фигуры, словно вырвавшиеся из самых душераздирающих шпионских триллеров.

– Разве вы не видите, что мы контролеры? – непринужденно ответил Джордж, улыбаясь во весь рот и этим еще больше пугая Игоря. – Не волнуйтесь, все это займет не больше минуты, – и Джордж ласково взял Игоря под руку и легко повел его к машине.

Воробьев, еще не осознавший происходящего, покорно проследовал за ним на заднее сидение, где уже сидел, как было задумано по сценарию, Вивьен Колин.

Оказавшись сдавленным им и подсевшим с другого бочка Джорджем, Игорь от страха лишился дара речи. Машина двинулась, и это окончательно доконало Игоря, тем более что он увидел и кортеж с остальными контролерами. Джордж приблизил свой лик к Воробьеву, что, по его мнению, дол-

женствовало усилить эффект беседы, и деловито начал, не замечая полубморочного состояния своего соседа.

– Господин Воробьев, я не буду тянуть время и сразу приступлю к делу, – машина уже выползла из Бакстоун-гарденс и резво летела по Кромвелл-роуд, – все очень просто: мы знаем все о Джейн, о вас и о вашем маленьком Игоре.

И тут произошло нечто из ряда вон выходящее: Игорь, неожиданно обнаружив в себе львиную энергию, попытался вырваться из кольца, навалился на хрупкого Вивьена Колина и нажал на ручку двери – в результате англичанин на полном ходу вывалился из машины прямо на дорогу, перепуганный водитель запоздало затормозил и опять не вовремя: Игорь выскочил из автомобиля и во всю прыть помчался по Кромвелл-роуд, не обращая внимания на гудевшие машины. Пораженный Джордж приказал было водителю следовать за ним, но последний указал пальцем на распростертого Колина, вокруг которого уже собралась толпа, и машине пришлось вернуться к товарищу, выполняя святой ритуал подбора раненых на поле брани. Колин отделался ушибами, однако все же вывихнул ногу. Он слабо постанывал и поливал убежавшего русского и мерзкую страну, его породившую, самыми последними словами (если бы эти выражения услышал Тенин, он тут же усомнился бы в преданности агента Советам). Колина погрузили в машину, дав указание остальной бригаде проконтролировать Воробьева у дома, куда он наверняка направит стопы.

Игорь появился в таком расхристанном виде, что Ирина захлопотала, как насадка над цыплятами, забыла обо всех своих претензиях, помогла ему раздеться, покрывая утешительными поцелуями (он давился от слез и никак не мог прийти в себя), отвела в ванную и нежно вымыла под душем с помощью губки. Все эти трогательные манипуляции создали атмосферу любви и неожиданно для обоих переросли в ванный секс. Впрочем, в свете форс-мажорных обстоятельств вербовки все это было объяснимо. Именно в этот фереический момент в гостиной затрезвонил телефон и твердый мужской голос сказал подлетевшей хозяйке дома:

– Ирина Ашотовна, это дежурный по посольству Архипов. Можно к телефону вашего мужа?

– Он в ванной, – не погрешила против истины Ирина.

– Тут приехала делегация из Москвы, в которой есть сослуживцы Игоря Львовича, посол через час дает в их честь ужин и очень просит вашего мужа на нем поприсутствовать. Обязательно!

Личное приглашение посла вызвало суматоху в семье – такого не бывало ни разу, – и Ирина тут же объяснила внезапное расположение отца колонии своим недавним выступлением на партсобрании, когда она тонко обозначила в своей речи мудрость руководства посольства. Игорь был извлечен из ванной, вытерт огромным полотенцем, на котором чернели контуры знаменитого Тауэра, усеянного свирепыми воронами, побрит электробритвой (он так ослабел, что руки его

тряслись) и облит одеколоном «Олд спайс», потребляемым лишь в особо торжественных случаях.

– Пожалуйста, не надевай костюм в полоску, надень что-нибудь синее или черное – посмотри на членов политбюро: там нет полосатых, и все в шляпах. И надень темно-красный галстук – так будет патриотичнее и к тому же очень в тон! – умоляла Ирина, суется вокруг Игоря, как портной на примерке. – Возможно, тебе предложат повышение... я этого не исключаю...

Она еще раз с удовольствием оглядела его: вызов на ужин к самому послу восстановил силы Воробьева, и он выглядел, как принц накануне коронации, хотя на душе было тошно и перед глазами маячили странные люди в униформе. Он бодро впрыгнул в автомобиль и на прощание махнул рукой.

Незадачливого Игоря Львовича взяли под белые руки прямо в фойе посольского здания, огрели для порядка по голове и отвели в подвальное помещение с кондиционером, но, естественно, без окон. Первый допрос по всем чекистским канонам проводил офицер безопасности, который для пущей важности (и по глупости) положил рядом с собой кобуру с игрушечным пистолетом. Допрашивал он грубо, стараясь интонациями подражать резиденту, и делал это совершенно напрасно: Игорь тут же раскололся по всем пунктам, однако категорически отрицал сотрудничество с английской контрразведкой и гнусный замысел навсегда остаться в бывшей мастерской мира. По приказу Червоненко Воробьева переве-

ли в посольский гараж и допросили по жесточе, посветив фарами в лицо, – офицер безопасности совсем недавно видел такой допрос в фильме о привидениях. Однако эта экзекуция не сломила грешника, и новых признаний он не сделал, несмотря на то, что Червоненко пригрозил ему страшными пытками. Ему и впрямь захотелось привязать эту сволочь к стулу и загнать её под ногти пару иголок, однако он вспомнил, что сталинские методы давно осуждены партией, строившей самое человеческое в истории человечества общество, и даже застыдился своей жестокости.

Когда офицер безопасности, сияя, доложил, об итогах своей плодотворной работы резиденту, последний не расплылся в поздравлениях, а холодно заметил:

– Нам следует принять меры, иначе эти англичашки сядут нам на шею. Нельзя допустить, чтобы они безнаказанно вербовали наших граждан. Доложите все это дело послу, пусть он сообщит в Москву и предложит ответные меры.

Тенин, конечно, мог бы и сам согласовать этот вопрос с послом, более того, это было его прямой обязанностью как шефа КГБ в Лондоне. Однако, посла он на дух не выносил, считал интриганом и, возможно, иностранным агентом, копал под него и давно бы сшиб с должности, если бы посол не пользовался поддержкой помощника Генерального секретаря, своего школьного кореша. Посол отвечал резиденту взаимностью, но побаивался его, ибо еще в начале карьеры потерял секретный документ, был изгнан из МИДа и чуть не

угодил в тюрьму. Так что компроматов на него у КГБ было достаточно, и вообще посол исходил из того, что главная задача резидента – это следить за ним, за послом, более важных дел у КГБ быть не может.

Вскоре после бурных согласований с МИДом СССР, всегда носившимся с англо-советской дружбой как с писаной торбой, советский посол, очень важный и очень лысый человек с маленьким круглым значком с великим Лениным, привинченным к лацкану темного пиджака, торжественно проехал на своей «Чайке» от Кенсингтон Пэлэс-гарденс до Даунинг-стрит и поднялся к министру, своему давнему знакомцу, с которым счастливо приятельствовал еще тогда, когда тот был в оппозиции. Именно по этой причине вся эта миссия не доставляла послу ничего, кроме огорчения и раздражения, и все из-за этого проклятого КГБ! На хрена вообще нужна разведка, если он, посол, прекрасно информирует правительство? Сидят в посольстве эти шибздики и мутят воду, портя с Англией отношения, выстроенные им, послом, с таким невероятным трудом!

Но приказ МИДа требовал строгого выполнения, посол напустил на себя побольше строгости, торжественности и невыносимой печали и в таком облике вплыл в приемную и предстал перед удивленными очами своего друга. Пораженный министр попытался сломить лед, гостеприимно предложив стаканчик виски, однако посол даже не удостоил его улыбки, деловито достал из папки бумагу и холодно зачитал

меморандум о провокации контрразведки против советского гражданина. Министр слушал молча, перебирая четки желтоватыми от курения пальцами, никак не обнаруживая своей реакции, но в конце заметил:

– Мы, конечно, тщательно разберемся с этим делом и дадим вам официальный ответ, однако я уже сразу могу сказать, что в Соединенном Королевстве не существует контрразведки.

Посол чертыхнулся про себя: опять этот КГБ наломал дров! Ведь это именно они составляли текст меморандума в Москве! Как это он не обратил внимания на этот нюанс? Ведь он не раз читал в английской прессе о том, что и разведка, и контрразведка формально нигде не обозначены.

А несуществующая контрразведка и весь ее русский отдел стояли тем временем на ушах. Перед Питером Дженкинсом сидели Джордж Листер и Джеймс Барри, всех джентльменов отличал здоровый красный цвет лица, трубка в зубах Питера превратилась в огнедышащий паровоз, хотя он старался сдерживать себя и не показывать гнев, зная, что в минуты кризиса всегда полезно демонстрировать хладнокровие.

– Очень печально, джентльмены, – говорил Дженкинс. – Как же все это произошло?

– Мы совершенно не ожидали, что он окажется таким сильным. Он выбросил из машины Вивьена, тот сломал два ребра и сейчас лежит в больнице...

В это время зазвонил телефон, соединявший Дженкинса

с самым главным шефом.

– Вы один, Питер?

– Да, сэр, – Дженкинс многозначительно посмотрел на своих подчиненных, давая понять, как безгранично он им доверяет.

– Что вы там сделали с каким-то моряком? Мне только что звонил министр иностранных дел, русские пришли к нему с нотой протеста.

– Не понимаю, – отвечал находчивый Дженкинс. – Мы действительно имели с ним деловой контакт под хорошей легендой. Но после этого молодчики из КГБ нагло заманили его в посольство и посадили в каталажку. Мы об этом узнали благодаря подслушиванию. Сейчас я расследую все это дело.

– Я не хочу вдаваться в детали, Питер, – сказал шеф, хорошо знавший умение Дженкинса преподносить события в выгодном для себя свете, – однако я предпочитаю, чтобы ноты протеста исходили от нас. Пока.

И шеф положил трубку. Дженкинс помолчал, переживая удар. Оплеуху он получил звонкую, и вообще весь оборот, который приняло дело Воробьева, явился для него совершенно неожиданным. Ведь все на первый взгляд выглядело просто и не сулило никаких неприятностей, впрочем, в жизни всегда так, и никогда не знаешь, с какой крыши свалится на голову кирпич.

– Они попытаются вывезти его в Москву, – нарушил паузу Джордж.

– Этого мы не можем допустить! – твердо сказал Дженкинс. – Конечно, мы не имеем права нарушить экстерриториальность посольства, но уже за воротами хозяева – мы, а не эти сукины дети!

– Они сделают это тайно, – вмешался Барри. – Помните, когда в прошлом году один скрипач Большого театра попросил убежища, они обкрутили его бинтами и вывезли самолетом «Аэрофлота», как тяжелобольного?

– Надо усилить контроль и за посольством, и в Хитроу, следить за каждым их шагом и все проверять. Даже дипломатический багаж! Кстати, как вы думаете, что явилось причиной столь скоропалительных действий русских? Откуда они могли узнать, что мы планируем вербовку Воробьева?

– Я тоже об этом думал, – сказал Джордж. – Но, к сожалению, наши «жучки» не стоят там, где его допрашивают. Мне кажется, они давно засекли его встречи с Джейн, и то, что его арестовали в день контакта с нами, – просто печальное совпадение.

– Дай бог, если об этом не стукнул «крот» в наших рядах, – хмуро отозвался Дженкинс.

– А после допроса он все им выложил и, конечно, сгустил краски, представив все как провокацию. Впрочем, я готов сесть на детектор лжи, вдруг «крот» – это я.

– Я ценю ваше чувство юмора, – заметил Дженкинс, – но дело слишком серьезно для шуток, – и он улыбнулся, дав понять, что сам еще не потерял чувство юмора.

Пока МИ-5 мучилась со своими проблемами, резидент Тенин принимал Червоненко в кабинете с проложенными сталью стенами, отражавшими любые коварные лучи. Офицера безопасности словно подменили: подобострастность исчезла, черные брови и курчавые волосы чуть топорщились от избытка здоровья и хорошего настроения, весь вид его был самоуверен и важен. Объяснялось это, конечно, грандиозным успехом: захватом изменника Родины. Червоненко уже прикидывал, как обыграть все дело в Центре для подрыва позиций Тенина, который не раз заявлял в кругу разведчиков, что мышьяная возня офицера безопасности приносит одни склоки и мешает основной работе – борьбе с американцами и НАТО.

– Вот что происходит, когда мы хоть на миг ослабляем бдительность, – наставительно говорил Тенин, тоже понимавший, что это дело могло обернуться против него. – Хорошо, что он во всем сознался... Жаль, что в данный момент мы оказались в темном лесу и не знаем, что планирует МИ-5...

– А наш человек у них? Разве он не в курсе дела? – любопытно спросил Червоненко, которого резидент иногда использовал на подхвате при проведении тайных встреч и однажды за стаканчиком виски похвастался ему, что держит на связи сотрудника МИ-5.

– Мы должны думать о том, как красивее вывезти Воробьева в Москву, – отрезал Тенин, пожалевший, что когда-то

поддался слабости и чуть приоткрыл тайну этому провинциальному идиоту.

– Наверное, лучше использовать для этого наше торговое судно? – осторожно предложил офицер безопасности.

– Нет, это слишком долго, его могут перехватить на пути до Тилбури. Да и судно в пути могут обыскать. Вывезем его «Аэрофлотом». И сделаем это просто: в дипломатической почте будет большой ящик. Суньте ему туда баллон с кислородом, а то привезем труп, – и он поморщился, дав понять, что труп его не совсем устраивает.

– Может, сделать, как в прошлом году, когда вывозили еврея-скрипача из Большого? Помните? Обмотали всего бинтами и провезли через пограничный контроль как тяжелобольного, – сказал Червоненко и заулыбался – он всегда улыбался, когда произносил слово «еврей», словно рассказывал анекдот.

– Шаблон вас погубит, Никита Петрович, – спокойно возразил Тенин. – Хотя в вашем предложении есть доля истины. Мы используем вариант с больным в качестве отвлекающего маневра.

– Не понимаю, – офицер безопасности быстро заморгал.

– Кто-нибудь отправляется в ближайшее время в Москву?

– На днях в Москву летит Переверзев – грыжу оперировать...

Резидент снисходительно улыбнулся, он-то досконально знал, что секретарь парторганизации использует операцию

по удалению грыжи как предлог для выезда в Москву для резких атак на посла за недооценку идеологической работы в совколонии. Переверзев совсем недавно сам жаловался на это резиденту и получил полную его поддержку, более того, за успех предстоящей важной миссии были раздавлены две бутылки превосходного «Еревана» из запасов, сделанных во время распродажи.

– Очень хорошо. Поговорите с ним. Мягко, конечно. Скажите, что все это во имя интересов партии. Но этого мало. Скажите Ирине Воробьевой – их квартиру англичашки наверняка прослушивают, – чтобы она «проговорилась» о том, что отбывает с мужем в Союз пароходом.

Конечно, резидент мог поговорить с Переверзевым и сам, но он не любил выглядеть просителем, и все неприятные и деликатные дела обычно перепоручал.

В кабинет секретаря парторганизации Червоненко вошел без всякой радости, которая обычно сияла на лицах тех, кому выпадало счастье общаться с живым воплощением партии. Душа его была переполнена ненавистью к Тенину, опять бросившему его на горячий участок, хотя он не мог отказать ему в высоком полете оперативной мысли. Когда Переверзев услышал от офицера безопасности, что его просят обмотать себе голову и часть туловища бинтами, он окаменел, словно на его партийную лысину сел и вцепился когтями горный орел.

– Мы проводим очень важную операцию по поручению

Центрального комитета, – Червоненко говорил подчеркнуто значительно, словно речь шла о предотвращении третьей мировой. – Вы ничем не рискуете. Даже если англичанам вдруг придет в голову размотать бинты, всегда можно сказать, что у вас дикие головные боли.

– А что? Боли проходят, если обмотать бинтами голову? – удивился Переверзев, страдавший иногда мигренью.

– Бинты от многого помогают, я об этом недавно читал в газете, – нес чепуху Червоненко. – Мы вас очень просим и доложим о вашем участии самому председателю КГБ.

– Меня несколько смущает общественный резонанс внутри нашей партийной организации. Всем известно, что я совершенно здоров... кроме грыжи, естественно... и вдруг меня увозят на носилках и в бинтах!

– Но это ведь может быть обострение грыжи... никто ведь толком не знает, где растет у вас грыжа... – упорствовал Червоненко.

– Вы полагаете, что грыжа может быть на голове? – обреченно улыбнулся Переверзев. – Но ладно! Я всегда хорошо относился к КГБ, и, поскольку это важное партийное дело, я согласен, – и подумал про себя, что лучше не вступать в конфликт с грозной организацией: наступят и уберут.

– Тогда по рукам! – взбодрился Червоненко и обеими руками затряс правую руку партийного секретаря, словно поздравлял его с победой на футбольном поле.

Все прошедшие дни Дженкинс лично докладывал шефу

ход дела Воробьева и о мерах против его незаконного вывоза из Англии. Под контроль были взяты и посольство, и все советские суда, и поезда, и, естественно, «Аэрофлот», находившийся под особым подозрением. Дженкинс прибыл в Хитроу за два часа до отлета самолета «Аэрофлота», полыхая своей легендарной трубкой. Прошедшая ночь выдалась отвратительной: приснилось, что он возвращается от любовницы, заимевшей от него ребенка, тихо крадется по Пикадилли, сжимая в руке пластиковый пакет с постельным бельем, причем пакет прозрачный, на простынях видны непристойные пятна, все прохожие пялят на него глаза, а Дженкинс пытается спрятать пакет под пиджак, хотя это почему-то не удается, краснеет от стыда, хочет свернуть в боковые улицы, но какая-то неведомая сила крепко держит и не отпускает его. Сон был тем более дурацким, что Дженкинс никогда не изменял своей жене, никогда не имел любовницы и уж, конечно, не бегал на свидания с ней со своим постельным бельем.

С утра наружное наблюдение доложило, что в Хитроу движется русский «рафик» с человеком, обмотанным бинтами, – такого аврала в МИ-5 никогда не видели. К моменту приезда шефа в аэропорт там уже собрался почти весь русский отдел, серьезно усиленный полицейскими из Скотленд-Ярда, – оставалось проинспектировать войска, уточнить задачи и оценить постоянно меняющуюся обстановку.

– Новая информация, сэр: Ирина Воробьева собирает ве-

щи и собирается выехать в Тилбури вместе с мужем, – доложил Джордж.

– Откуда информация?

– От «жучков» у них на квартире.

– Русские знают об этих «жучках»?

– Они могут догадаться, зная, что Воробьев у нас в разработке.

– Пошлите к их дому две машины слежки, и пусть они откровенно следят за домом... Пусть кто-нибудь зайдет и позовет Игоря. Сделаем вид, что мы клюнули. Если это правда, то не составит большого труда заблокировать машину с Воробьевым на пути в Тилбури.

– Началась посадка, сэр!

Казалось, что тайных агентов больше, чем пассажиров, ими кишел весь аэропорт, особенно у регистрационных стоков, у таможни и на пограничном контроле. К зданию подкатил «рафик», двое парней с военной выправкой вытянули оттуда носилки с перебинтованным больным и направились прямо на пограничный контроль, отправив третьего зарегистрировать билет. У Джорджа загорелись глаза, он радостно посмотрел на шефа, тот подмигнул ему и почесал ухо, что было знаком для Джеймса Барри, стоявшего в бульдожьей стойке вместе с другими коллегами. Пурников, которому как самому трезвому в посольстве человеку доверили сопровождать Переверзева, протянул его паспорт.

– Советник Переверзев? – Джеймс удивленно поднял

бровь. – Что с ним?

– Он упал и разбил голову, – ответил русский.

– Вам придется разбинтовать его...

– Но он болен... у него дипломатический иммунитет! – искренне возмутился Пурников, который не сомневался в истинности травм секретаря парторганизации.

– Мы должны идентифицировать личность! – упорствовал Барри.

– И вы хотите оголить его раны?! – вскричал Пурников, до глубины души пораженный хамством англичан, от волнения он даже начал заикаться и заслонил грудью больного.

Жаркий спор продолжался, русские упорствовали, и дело чуть не дошло до драки, когда Джеймс оттолкнул первого секретаря и попытался лично разбинтовать больного. Тем временем к самолету подкатила машина с дипломатической почтой, откуда был извлечен крупногабаритный ящик. Ругань на контроле продолжалась, стороны уже отталкивали друг друга и если бы сам страдавший от унижения Переверзев не поднял руку и не начал разматывать себе голову, произошла бы стычка. Когда Джордж увидел перед собою унылую физиономию партийного секретаря, у него отпала челюсть. В растерянности он повернул голову и увидел, что из советской машины с дипломатическим номером, подкатившей прямо к самолету, выгрузили большой ящик.

– За мной! – заорал он, бросаясь в последний и решительный. – Все за мной! – И целая орава ринулась к самолету и

преградила восхождение по трапу.

Разбираться в дипломатических тонкостях уже не было времени, дипкурьеры, естественно, решительно отказались открыть и показать ящик, англичане сдаваться не собирались, началось яростное мордобитие, подкрепленное вмешательством летчиков. Исход боя решили явное численное превосходство англичан и неуверенность русских, боявшихся полностью разрушить англо-советские отношения. Тенин, бледный как смерть, наблюдал, как завернули руки Червошенко (трусливый на ковре у начальства, он показывал чудеса храбрости) раскрыли ящик и извлекли оттуда дрожащего Воробьева, который оказался в нормальной форме, хотя перед отъездом ему вкололи изрядную дозу снотворного. Дженкинс, попыхивавший трубкой недалеко от Тенина и тоже переживавший этот матч, с тонкой улыбкой на устах посмотрел на резидента, и взгляды их встретились – они прекрасно знали друг друга, хотя никогда лично не встречались.

Взяв свою добычу под руки, англичане доволокли Воробьева до своей машины и тут же перекрыли движение с помощью полиции. Затем целая кавалькада автомобилей со звуковыми и световыми сигналами победно полетела в сторону Лондона. Дженкинс и Джордж Листер ехали в одной машине, оба находились в превосходном настроении и сыпали шутками, посмеиваясь над глупостью русских.

– Английская пехота всегда отличалась упорством, это еще Фридрих Энгельс писал! – резюмировал итоги борьбы

Дженкинс, блеснув своими университетскими познаниями в марксизме.

Первый допрос Воробьева проводил лично шеф русского отдела у себя в кабинете. Держался он уверенно и сиял, словно неаполитанское солнце, приготовившись к благодарностям русского за вызволение из когтей КГБ. Воробьев еще не оправился после всех потрясений, движения у него были замедленными, как у больного, только что вставшего с постели, и говорил он так, словно ему только что ухнули по голове мешком.

– Господин Воробьев, вы находитесь сейчас под покровительством Скотленд-Ярда (конспирация в МИ-5 всегда была на грани фантастики) и под опекой правительства Ее Величества. Если вы хотите получить политическое убежище, то мы можем уже сейчас приступить к оформлению некоторых формальностей. Мы рассчитываем на ваше сотрудничество и с удовольствием поможем вам с новой работой, – вещал Дженкинс торжественно и прочувственно.

Воробьев, выслушав эту тираду, поморгал, с трудом переваривая информацию. Наступила неловкая пауза, и Дженкинс даже подумал, что неплохо повторить речь в более доступной для русского форме, более отчетливо выговаривая каждое слово.

– Я не прошу политического убежища и не хочу ни с кем сотрудничать, – вдруг сказал Воробьев и снова замолк, словно впал в транс.

– То есть как? – оторопел шеф.

– Я ничего не хочу! – грубо сказал Воробьев.

– Может, вас вернуть обратно в дипломатический ящик? – не без юмора заметил Джордж, находившийся в кабинете.

– Нет, я останусь в Лондоне и буду жить со своей женой и сыном, – ответствовал беглец просто. – С Джейн.

– И какой у вас будет статус?

– Я не хочу отказываться от советского гражданства.

– Конечно, это ваше личное дело... однако...

Дженкинс закурил трубку, заявление повергло его в смятение, этого он никак не ожидал, и интуиция подсказывала ему, что этот негодяй принесет еще массу неприятностей. Ох уж эти русские! Он почему-то вспомнил героев Достоевского, жгущих деньги, непредсказуемого князя Мышкина и прочих кретинов, слабо понимающих нормы западной жизни. Он подошел к Воробьеву и ласково потрепал его по плечу.

– Сейчас вам надо отдохнуть. В интересах безопасности мы временно поместим вас в квартиру с нашей охраной. Думаю, вам и Джейн следует подыскать новую квартиру – я уверен, что КГБ не успокоится и попытается отомстить.

Дженкинс пожал русскому руку, отпустил в сопровождении Джеймса Барри и прошел в свой кабинет, где выпил полный стакан скотча, кляня Воробьева последними словами. Ну и кретин! Правда, опыт подсказывал, что вода камень то-

чит и время лучший целитель, ставящий все на свое место. Он побарабанил пальцами по столу и предложил Джорджу навестить Джейн, обрисовать ей сложившуюся обстановку и попросить повлиять на своего возлюбленного в нужном для правительства Ее Величества направлении. Джордж, совсем недавно переживший унижения во время беседы со зрителем, не пришел в восторг от этого задания, но служба есть служба, и на следующий день он купил букет хризантем и бодро направился на Бакстоун-гарденс.

Начало не предвещало ничего хорошего: во дворе он наткнулся на Барбару, которая давно уже его простила и пребывала в убеждении, что он ее преследует, добиваясь счастья прошлых дней.

– Какие чудные цветы! Спасибо! – сказала она нежно и протянула руки к букету.

Джордж засуетился, шаркнул ногой, спрятал за спину букет и улыбнулся.

– Извини, Ба, я не к тебе. Тут живет мой приятель, у него сегодня день рождения...

Ответ был достаточно глуп и привел Барбару во вполне законную ярость: сощурив глаза, она закатила своему бывшему любовнику такую пощечину, что он чуть не рухнул на землю. Подождав, когда рассвирепевшая тигрица удалится, Листер решительно двинулся в апартаменты Джейн, отметив про себя, что неприятности имеют обыкновение бежать гурьбой друг за другом. Джейн встретила его с сыном на ру-

ках и милостиво приняла букет. Лицо ее, как у сфинксов у колонны с Нельсоном на Трафальгарской, ничего не выражало.

– Извините меня, мисс Макдермот, но я из Скотленд-Ярда. Вчера русские попытались насильно увезти в Москву вашего... мужа, вы, конечно, прочитали об этом в газетах. Сейчас он временно у нас, однако существует проблема: он собирается жить с вами и сыном, но не заботится о своем статусе и не хочет просить политического убежища. Не буду от вас скрывать, – Джордж сдвинул брови, – что в холодной войне его жест, пусть небольшой, имел бы определенный резонанс. Все это важно для нашей старой доброй Англии...

Джордж вел беседу улыбочиво и мягко, однако слабо представлял, с каким крепким орешком имел дело. Джейн органически ненавидела любое вмешательство в ее личную жизнь, и она даже порозовела от возмущения, что превосходно сочеталось с рыжими распущенными волосами. К тому же от Листера нестерпимо пахло обожаемой им мускусной водой с Ямайки, эту воду она тоже не терпела после скоротечного романа с одним ямайцем.

– Во-первых, мы не женаты, и Игорь мне не муж! – сказала она железным голосом. – Во-вторых, я не понимаю, на каком основании Скотленд-Ярд вторгается в мои дела и оказывает давление, в-третьих, я немедленно пойду к своему члену парламента и попрошу его направить запрос правительству по поводу ваших действий, в-четвертых, я направлю письмо

в «Таймс»... Мне продолжать?

Уже в начале монолога Джордж понял, что стучится лбом в каменные ворота, и он стал интеллигентно ретироваться, опасаясь, что слова перерастут в истерику с неожиданными последствиями.

– Спасибо, мисс Макдермот. Извините меня за вторжение, – и он побежал вниз по лестнице, в душе проклиная рыжего дьявола.

Что случилось с Англией и ее народом, так любившим свои секретные службы, так лелеявшим их? Или все дело заключается в том, что Джейн – шотландка, а эти дураки со времен Марии Стюарт ненавидят истинных британцев и даже мыслят о независимости? Или просто упали нравы и граждане перестали понимать, что, помогая секретным службам, они укрепляют государство и обеспечивают свою собственную безопасность?

Тем временем продолжались баталии на дипломатическом уровне, на сей раз огонь открыла английская сторона, и совпосол был срочно приглашен на Даунинг-стрит, и все в том же темном костюме с ленинским значком на лацкане предстал перед английским министром иностранных дел. Было ясно, о чем пойдет речь, однако, хотя Тенин просил его занять наступательную позицию, он решил не ерепениться, проявить разумную нейтральность и косвенно дать понять министру, что варварские штучки секретной службы, тайно транспортирующей своих граждан в сундуках, ему не по ду-

ше. Сделать это нужно было тонко, не дай бог, в Форинофисе сидит какой-нибудь кагэбэшный «крот», который тут же настучит о предательстве государственных интересов.

– Ваши люди из КГБ грубо попирают английские законы, господин посол, – сухо начал министр. – Мы объявляем господина Червоненко персоной нон-грата и требуем, чтобы он покинул Великобританию. Вот вам меморандум, почитаете на досуге.

– Спасибо, – сказал посол. – Мы, конечно, его изучим, однако сразу же хочу заявить, что никакого КГБ в посольстве не было, нет и не будет!

При этом он весьма приветливо и даже с юмором смотрел на министра, который тут же вспомнил собственные слова об отсутствии в Англии контрразведки и позволил себе расхохотаться. Оба поняли друг друга с полуслова.

– Не хотите ли скотча, Павел? – министр был любезным и добрым человеком и не терпел обострения отношений, тем более личных.

– Спасибо, Гордон, – молвил посол, принимая из рук министра виски.

Министр тоже не выносил спецслужбы, чужие и свои, последние даже больше, ибо они за ним охотились, когда он был в оппозиции. Правда, он частенько попивал порт в клубе «Реформ» с руководителем МИ-5, своим школьным другом, но обсуждали они исключительно одну тему: виды и способы выращивания хризантем – оба были заядлые любители и не

пропускали ни одной важной выставки этих цветов. Посол и министр больше темы Воробьева не касались, а окунулись в воспоминания о славных днях, когда министр еще был в оппозиции и мог позволить себе съездить с послом на охоту в Шотландию.

Посол спустил все дело на уровень консула, начавшего упорно требовать личного свидания с похищенным соотечественником. Сначала англичане мягко отказывали, но потерпевший держался вяло и не высказывался против визитов к нему родственников. Сначала явился сам советник посольства Тенин и повел с ним увещательную беседу о родине, о партийном долге, о советском народе; затем его почтил консул и говорил в том же духе, правда, с большой заботой о его детях, которым уже наверняка не устроиться в престижные институты в Москве, не говоря уже о работе.

– Вы пожалеете о своем шаге, Игорь, – говорил консул. – Родина у всех одна, как и жизнь. Вы измучаетесь от тоски. А что скажут ваши дети? Ваши старые отец и мать? Подумайте о них...

Затем заявила Ирина с сыном, убитая не столько бегством Игоря, сколько общественным позором.

– Как мы будем жить? – громко сморкалась в платок, тербя мятые усики, насквозь промоченные слезами. – Что ты делаешь, Игорек? Ты бросаешь нас!

И сын, уже получивший в школе заряд о том, что нет ничего хуже предательства, интуитивно завывал ей в тон.

– Ира, все кончено, пути назад нет, – уныло повторял Игорь.

– За что? За что? – всхлипывала она.

– Вернись, папа! – тоже плакал сын. – Я люблю тебя!

Джордж, которому было поручено наблюдать за свиданиями, сжимал рот, чтобы самому не разрыдаться от этих ужасных сцен. Игорь, как обычно, колебался и, возможно, вернулся бы, если бы не крики сына, фальшь которого его внезапно потрясла. Боже, снова жить с этой ужасной женщиной, вконец исковерковавшей мозги и душу ребенка своими идеологическими бреднями, оставить преданную Джейн и розовощекого младенца... Нет! Никогда!

Дженкинс и весь отдел ликовали по случаю победы над русскими в Хитроу, сражение называли русским Ватерлоо, где лавры герцога Веллингтонского принадлежали Дженкинсу. Вскоре с помощью контрразведки Воробьев переселился на охраняемую квартиру на окраине Лондона, Джейн с ребенком последовала туда, и они начали новую жизнь. Больше гуляли и смотрели телевизор, а еще больше времени проводили в постели, что совсем не так плохо, как многие считают.

– Вчера я был в школе славяноведения, мне обещают работу. Когда мы устроим свадьбу? Я хочу, чтобы мы поженились в церкви.

– Но сначала ты должен получить развод.

– Она уже уехала в Москву... Я даже не знаю, что делать. Видимо, напишу отсюда заявление в загс и найду адвоката

в Москве. Но как, не выезжая в Москву, найти там адвоката? Может, если я попрошу убежища, меня автоматически разведут?

Иногда на Игоря наваливалась тоска и охватывало раскаяние, он скучал по детям, жалел брошенную Ирину, его, англофила, вдруг потянуло на селедку и черный хлеб. В такие минуты он распечатывал бутылку московской водки, которую покупал вместе с другими русскими деликатесами в эмигрантской лавке, медленно пил ее до самого конца, неподвижным взором смотря в окно, где было безлюдно и тихо – лишь иногда, словно сенсация, возникал автомобиль. Умная Джейн понимала его славянскую душу, навеки привязанную к русским просторам с их безысходной печалью, она знала, что лучшее лекарство от тоски – это маленький Игорь, и вручала коляску. Гуляя с сыном, он все равно вооружался радиоприемником, чтобы послушать московские передачи, англичане начинали его раздражать, и он даже перестал читать когда-то любимый «Обсервер». МИ-5 гордо ожидала, когда он сам попросит о сотрудничестве, а резидентура КГБ не собиралась сдаваться и так просто принять оплеуху, полученную в аэропорту.

Перед отъездом в Москву персона нон-грата Червоненко, поважневший после своих подвигов на аэродроме и от упоминаний его фамилии английской прессой, в последний раз навестил резидента.

– Вы должны гордиться тем, что они вас выгоняют: зна-

чит, бояться, а это самая высокая оценка работы чекиста, – торжественно говорил хитрый Тенин, думая, что невелика потеря и хорошо, что этого болвана выгоняют англичане, а не он сам: такая идея уже давно бродила в его голове.

– Спасибо, Олег Антонович! – сказал Червоненко с чувством, превращаясь от счастья уже в совершенно писаного красавца.

– Англичашки со свойственной им самоуверенностью думают, что утерли нам нос. Напрасно так думают: вчера я послал шифровку в Центр с предложением организовать встречу Воробьева с его родителями. Если жену с детьми он и в грош не ставит, то родителей, как нам известно, глубоко почитает. Я вас попрошу по прибытии в Москву взять все это дело под контроль.

– Обязательно, Олег Антонович. Желаю вам боевых успехов!

Они крепко пожали друг другу руки и трижды, как положено, облобызались.

В Москве Червоненко развил бурную деятельность, посещая сановные кабинеты в ЦК КПСС и в КГБ. Слушали его внимательно, особенно, когда он в деталях описывал потасовку в Хитроу, умело всовывая себя в эпицентр событий. Англичан он рисовал подонками, которые только и мечтают перевербовать всех советских граждан, о резиденте отзывался скептически, акцентируя недооценку им сложной контрразведывательной работы, а инициативу с транспорти-

ровкой в Лондон родителей беглеца полностью приписывал себе и упорно пробивал эту идею во всех кругах. Он надеялся на скромную Красную Звезду, в худшем случае – на значок «Почетный чекист», и потому сил не жалел: вернуть перебежчика – разве это не высочайший класс пилотажа? Наконец, идею одобрили, и герой направился на свидание с родителями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.